

Евгения Микулина

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

ЖЕНЩИНА-ВАМП
ВАМПИРСКАЯ ТРИЛОГИЯ

Евгения Микулина

**Большая Любовь. Женщина-
Vamp: вампирская трилогия**

«Издательские решения»

Микулина Е.

Большая Любовь. Женщина-Vamp: вампирская трилогия /
Е. Микулина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907950-3

Герои «Метелицы» и «Наблюдателя» возвращаются: Влад, Марина и Серхио снова в Москве, осваивают новую жизнь. Неожиданно на их пути возникает бывшая девушка Влада, мать-одиночка Люба, и её появление круто меняет расстановку сил и эмоций в тесном дружеском кругу «кровных братьев».

ISBN 978-5-44-907950-3

© Микулина Е.
© Издательские решения

Содержание

15 ноября 20XX, «Живой журнал»	6
Глава 1	8
Глава 2	14
2 декабря 20XX, «Живой журнал»	18
Глава 3	20
11 декабря 20XX, «Живой журнал»	25
Глава 4	27
15 декабря 20XX, «Живой журнал»	32
Глава 5	37
Глава 6	42
20 декабря 20XX, «Живой журнал»	50
21 декабря 20XX, «Живой журнал»	52
Глава 7	53
25 декабря 20XX, «Живой журнал»	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Большая Любовь Женщина-Vamp: вампирская трилогия

Евгения Микулина

Дизайнер обложки Екатерина Матвеева

© Евгения Микулина, 2018

© Екатерина Матвеева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-7950-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

15 ноября 20XX, «Живой журнал»

GreatLove2011 написал (а):

«Привет, человечество. Прошу прощения за долгое отсутствие: работа, п-ц, сами знаете.:)) Поддостало уже, честно. Сегодня выходной, спокойный выход в сеть и есть чего сказать.

Короче, в порядке важности.

1) Сегодня я, после двухлетнего перерыва, воссоединилась со своими любимыми джинсами! Наша разлука была долгой, хотя и не трагической. Нельзя же назвать трагедией появление на свет Максим Иваныча))))). Мы расстались с джинсами, когда означенный юноша был на полпути ко мне: они перестали застегиваться на пузе. После появления Максима Иваныча они стали (постепенно) надеваться, но ничуть меня не украшали. Малодушная женщина махнула бы на все рукой, купила штаны побольше и отправилась жрать курицу по-императорски, к которой очень, как вы помните, прикипела во время ожидания Макса. Но ваша Люба не такова. Я оставила их в шкафу, чтобы было к чему стремиться. Я отказывала себе во многом. Я даже ходила в спортзал. И в конце концов сила воли и нервное истощение (см. выше про работу) сделали свое дело. Они НАДЕЛИСЬ! И не просто наделись – я в них ХОРОША! Совершенно такая же, как до Максим Иваныча – только теперь еще и с ним, что очень круто: парень он что надо.

2) Кстати, о парнях.:))) Тут тоже есть новости, хотя пока не то чтобы конкретные, а из серии «просто так, приятно». После того как отец Максим Иваныча смылся в даль, оставив по себе только дитя и денежку на него, передаваемую раз в месяц, мой интерес к мужескому полу стал сугубо, хм, педофильским. Ну из серии, что педофил ДЕЙСТВИТЕЛЬНО любит детей. То есть меня интересовал только Макс. О чем я не раз вам жаловалась: уныло, когда никого не хочется. (((И даже если хочется, мысль о том, что в джинсы еще не влезаешь, как-то отравляет мечты. Ну так вот: сегодня я имела удовольствие блеснуть перед мужской половиной населения земли своей неуывающей красотой, и это как-то странно взбодрило. Тем более что речь об одном из бывших. НЕ о смывшемся Иване, а о Владе П. Если кто не помнит, это мой приятель-дизайнер, бывший коллега и не только. Были у нас... эпизоды, пока он не устаканился наконец со своей раздражающе красивой начальницей. Не видела его сто лет – собственно, даже дольше, чем длилась разлука со штанами. Налетела на него сегодня на «Красном Октябре» (и у нашего, и у их журнала там была съемка. Он говорит, что великие умы мыслят одинаково. Я – что у дураков мысли сходятся). Выглядит уж как-то слишком глянцево. В нем всегда было что-то паттинсоновидное, но теперь он просто невообразим: строен как лоза, бледен, моден и, по-моему, стал носить контактные линзы. Придурок. Говорит, что счастлив со своей Мариной, много времени проводит за бугром, дела просто зашибись. При моем скромном сообщении о рождении Максим Иваныча выпучил глаза: «Гонишь!» Имел в виду, что по мне не скажешь, что я молодая одинокая мать, и он вообще даже не знал, что я беременна, и ни за что бы не поверил, что я уже и НЕ беременна.)) Почему-то ужасно приятно. Выпили в «Стрелке» по рому с колой и разбежались.

3) Кстати о Владе П. Он ведь не просто так дизайнер, а арт-директор в неплохом журнале. И тут мой многословный пост закольцовывается (кто не заметил, что он начинался с работы, которая поддостала?:)). Влад сообщил, между прочим, что им нужен продюсер. Я сказала, что это удивительное совпадение – я как раз продюсер, если он не помнит, и что я устала от жизни.))) Он сделал бровями: мол, как я мог забыть. Слово за слово – короче, я думаю к ним сходить на след. неделе, поговорить о перспективах. Имею сомнения – мне всегда казалось, что его начальница и подруга меня малость недолюбливает. Но в конце концов продюсеры не очень часто видят главных редакторов, так что, может, это и не важно. Короче, схожу и изучу обстановку. В новых-старых джинсах! Йееее!))))))»

3 комментария:

EasyLifeALL:

«Лучшие модели джинсов по сниженным ценам. Сходи по ссылке...»

Помечено как спам

Anutka6653:

«Круто, Любка! Почему нет фото мини-попы в мегаджинсах?:))))))»

РороваIra:

«Я тоже, кстати, видела тут Влада. Круто он выглядит – чего ты на него наезжаешь?)))

И линзы темные ему идут...»

Глава 1

Странный сегодня был день. Не могу сказать, что неприятный, – именно странный. Серый, осенний и бессолнечный – мне теперь приходится любить только такие, и как же хорошо, что мне, в общем, всегда нравилось зрелище пасмурного неба, такого низкого, что оно словно насаждает на московские крыши. Очень красивый день и теплый для ноября. Хотя у меня отношение к теплу и холоду тоже условное, все равно приятно, когда в лицо ударяет ветер, теплый и влажный и абсурдно пахнущий весной.

Мы снимали моду для своего бесценного журнала Alfa Male на локейшене – в темно-кирпичных переулках «Красного Октября». Там много красивых точек, и похоже на смесь Нью-Йорка с Лондоном, что очень удачно, когда хочется сэкономить бюджет и время и не тратить их на поездку в города-подлинники. Наши мальчики-модели в своих кашемировых пальто и кожаных куртках смотрелись там, среди этих кирпичных стен и металлических лесенок, просто прекрасно. Ну или на худой конец так, как нам было надо. Мы возились долго, начали еще до рассвета, разворачивали аппаратуру, мальчиков красили, все как обычно. Работали, пока не стемнело. Все успели, превьюшки съемки будут уже завтра. Трудовой процесс, все путем. К концу дня все ужасно проголодались, и я тоже. На съемках всегда много еды... Всякой. То есть продюсеры заботятся о том, чтобы съемочная группа получала свои бутерброды и горячий кофе из термосов, и поэтому на площадке имеется еда вполне обыкновенная. Но МОЯ еда там тоже была. Много, много еды. И поскольку я обычно стараюсь среди большого количества людей подолгу не находиться, сегодня изобилие возможных закусок ощущалось особенно остро.

Вел себя сдержанно и по-деловому. Похвально. Правда, выдул весь коньяк из фляжки – алкоголь как-то помогает отвлекаться. Но чуть больше или чуть меньше коньяка не самая важная из моих проблем. Под конец дня моя выдержка подверглась несколько большему испытанию.

Я налетел на нее на набережной, когда уже совсем собирался уезжать. В темноте, на фоне Москвы-реки, несущей свои мутные, но в вечернем свете романтически черные воды мимо пошлого, хотя и привычного уже храма Христа Спасителя, называемого в народе «Спас на гаражах», я не сразу узнал ее лицо – мне в нос ударил ее запах. Невероятно, невозможно привлекательный запах, от которого у меня сразу зачесались десны и пришлось на секунду прикрыть глаза. Хотя не думаю, что она в темноте заметила бы, что они у меня покраснели, как у бешеного кролика. Потом я открыл их и всмотрелся – и понял, кто передо мной. Люба – продюсер конкурирующего с нашим Alfa Male журнала «Лидер». Люба, моя бывшая девушка. Символ в каком-то смысле прежней, ничем не осложненной жизни. Люба, с которой у меня был вялотекущий роман давным-давно, когда я еще работал в этом самом «Лидере». Люба, которая очень по-человечески и очень по-женски утешала меня как-то ночью, когда Марина, спасая меня от участи «более страшной, чем смерть», бросила меня и сбежала в Лондон. Я никогда в жизни не забуду ее доброты – не забуду попытки своим телом вытеснить из моего сознания другую женщину, женщину, которая невыносимо ранила меня. Никогда – а ведь передо мной лежит долгая жизнь. Слишком долгая, если уж честно. Бесконечная, если уж совсем честно.

Я никогда не забуду Любу, но тем не менее я не сразу ее узнал. Вернее, не соединил мое новое ее восприятие – по запаху – с человеческой привычкой узнавать людей в лицо. Запах ее, как уже было сказано, показался мне очень аппетитным. И я даже знаю почему. Потому что когда-то я ее... ну не любил, конечно, но находил очень и очень сексуально привлекательной. Вот оно и сыграло. Если уж нам кто нравится, то во всех смыслах. Люба, значит, очень нравилась.

Или я просто сильно проголодался к вечеру.

Я не видел ее давно – больше двух лет, наверное. Собственно, с того лета, когда думал, что потерял Марину. Потом столько всего произошло и так все в моей жизни закрутилось, что было не до поддержания дружеских связей. Мне иногда совестно было, что я вот так воспользовался Любиной добротой, я потом куда-то слился. Но проявиться не было времени и возможности. А потом уже и желания. Потому что «судьба более страшная, чем смерть», меня настигла, а после этого приоритеты, знаете ли, меняются.

Налететь на нее было неловко и странно. Я ждал неудобных разговоров. Но ей, как выяснилось, было совершенно не до меня все это время. Она, оказывается, родила ребенка от своего бойфренда Вани, фотографа средней руки, – никогда не мог понять, чего она с ним возится, на мой взгляд, он зануда страшный. Потом с Ваней все разладилось, как это бывает иногда, и Люба осталась, как она возвестила с нервным смешком, «независимой одинокой матерью». В этом месте мне пришлось подавить свою инстинктивную реакцию сказать что-нибудь язвительное: дело в том, что Люба происходит из категорически НЕ бедной семьи, она обожаемая дочь очень успешного папаши. Для нее быть одинокой матерью – совсем не то, что для большинства женщин в нашей великой и могучей стране. Но она все равно, конечно, молодец. Работает. И с сыном возится – судя по тому, как часто он возникает в ее разговорах, возится плотно.

У нее сын, его зовут Макс. Ему почти два года.

Он только чуточку младше меня. Нового меня...

В этом есть великая ирония на самом деле. Два года назад и у меня, и у Любы началась новая жизнь. Она стала матерью нового, живого человека. А я... я стал за это время живым мертвецом.

Все то время, пока мы весело и на первый взгляд непринужденно беседовали в баре «Стрелка» (всем бы он был хорош, как прежде, вот только курить в помещении запретили), все время, пока она, явно гордясь и радуясь, рассказывала мне о том, как удачно у нее прошли эти два года, как ей наплевать на бывшего, какой у нее клевый мальчик и как ее замучила рутинная работа... Все это время я думал о том, как по-разному может меняться человеческая жизнь.

Два года.

Два года прошло с тех пор, как на парижской крыше мне прокусил шею вампир, одержимый жаждой мести – желавший через меня причинить боль моей возлюбленной. Два года с тех пор, как глоток крови ее бывшего мужа-вампира спас меня от человеческой смерти и подарил мне... нечеловеческую жизнь. Два года с тех пор, как я стал во всем подобен существам, которые стали мне друзьями, после того как я полюбил одну из них. Два года. Мы с Мариной провели вместе два года из той вечности, которую когда-то зимним московским утром обещали друг другу едва ли не в шутку и которая теперь в самом деле была в полном нашем распоряжении.

Два года с тех пор, как я узнал, что подобен своим друзьям, своей новой семье, не во всем. Они, мои вновь обретенные родственники, счастливы – они могут жить среди людей, не причиняя им особого вреда (если не захотят, конечно). Мы все одержимы кровью, такова наша природа. Но они – все остальные в моем мире – могут жить и питаться, не причиняя вреда людям. К их услугам все многообразие теплокровных существ на планете: собаки, белки, вороны – да кто угодно. Я... мой организм необычен, даже для вампира. Я могу пить только человеческую кровь. И это делает меня самым опасным, странным и ущербным из всей моей опасной, странной и ущербной семьи.

Нет, поймите меня правильно – за эти два года я ни разу не почувствовал своей ущербности: наоборот, мои братья и сестры меня уважают, им кажется, что в моей странности есть какая-то особая крутизна. И я ни разу не представлял никакой опасности ни человеческой жизни, ни тайне нашей семьи (которую совершенное мной какое-нибудь шальное убийство, безусловно, поставило бы под угрозу). Я тщательно следил за собой. Я сдерживался в присут-

ствии людей. Я пил донорскую кровь – вот только сегодня, например, перед съемкой – я всегда стараюсь выходить к людям, не испытывая ни малейшего голода. Ну для подстраховки. И да, меня иногда угнетает мысль о том, что содержимое пластиковых пакетов, которым я питаюсь, могло бы кому-то спасти жизнь. Что люди сдают кровь, чтобы помочь друг другу, а вовсе не для того, чтобы накормить меня, упыря. Да, я прохожу мимо плакатов с призывами сдать кровь и спасти жизнь и ощущаю укол совести. Впрочем, легкий. Потому что эти добрые люди и в самом деле спасают жизни. Мою, например. И тех, кого я мог бы убить, если бы не было доноров.

Два года я живу так.

За два года я ни разу никого не убивал.

И это значит, что уже два года я ни разу не ел по-настоящему.

Да, у меня был набит желудок, и по сосудам бежала кровь, чужая кровь, придающая моим глазам неестественный вишнево-красный цвет и заставляющая мое сердце биться, хотя и слабо и медленно, со скоростью один удар в минуту. Но я никогда не давал воли своим инстинктам. Никогда не испытывал азарта охоты. Никогда еще мои зубы не вонзались в живую плоть, разрывая ее, пробиваясь к горячей, свежей крови, которой так жаждет все во мне.

И я не имею слов описать, до какой степени мне этого недостает. Как этого хочется.

Актер какой-то голливудский, игравший роль объявившего голодовку арестанта и ради этого реально похудевший до скелета, сказал в интервью по этому поводу: «Когда ты перестанешь есть, твое сознание меняется». Как я согласен с тобой, чувак! Я конечно, как уже было сказано, не перестал есть – я просто сижу на очень, очень строгой диете. Но этого достаточно, чтобы сознание изменилось.

Как ему, сознанию, не измениться, если ходишь по миру с постоянной мыслью «чего бы сожрать»? Если каждое новое лицо воспринимаешь через неистребимый голод? Когда смотришь человеку при знакомстве первым делом не в глаза, а на артерию на шее. Когда слышишь не голоса, а шум крови, которую сердце толчками гоняет по сосудам. Чужой крови. Недоступной. Запретной. И вкусной, наверное, ужасно.

Не может не измениться сознание в такой ситуации, вот что. И я стараюсь, конечно, не жаловаться. Это нелепо, потому что не убивать – мое решение. Мне ведь никто не запрещает, в сущности, убивать – осторожно. Семья всегда готова помочь замести следы, если уж случается неприятность. Я сам не хочу давать себе волю и превращаться в монстра из трешового фильма ужасов.

Я не жалею, нет. Но очень боюсь. Даже не того, что сорвусь, – не могу я этого бояться, потому что, во-первых, все-таки контролировать себя можно. Во-вторых, потому что какая-то часть меня сорваться хочет, и находит это совершенно естественным, а реакция на такие мысли – это уже не страх, а что-то другое. Может, отвращение к себе? В-третьих, я не боюсь сорваться потому, что, в широком смысле, это все равно как, сидя на овощной диете, бояться съесть гамбургер. Обидно, конечно, и нехорошо, потому что типа принципам изменил, но не страшно. Эй, я ЗНАЮ, что люди не гамбургеры, отдаю себе отчет, – но нужна же мне метафора, нет? Короче, я боюсь другого. Того, что в какой-то момент мое сознание изменится совсем. Что жажда, которая сопровождает меня постоянно, станет для меня важнее всего. Заслонит то, что всегда было для меня на первом месте. Заставит меньше любить женщину, встреча с которой, собственно, и привела меня к нынешнему моему состоянию. И тогда я начну грубить ей, винить ее в том, к чему она не имела отношения, и наша общая вечность превратится в ад. В проклятье – которым, собственно, вся семья наше состояние и называет. Пусть не всегда вслух.

Я стал вампиром только потому, что люблю Марину. Только из-за нее, из-за своего упрямого чувства к ней я принимал решения и совершал поступки, которые заставили меня ока-

заться на той парижской крыше. Став вампиром, я получил возможность быть с ней вечно. Страшно было бы измениться настолько, чтобы перестать ценить это.

Я не хочу, чтобы потребности моего тела стали важнее, чем то, к чему стремится мое сердце. Не хочу победы плоти над духом, во как!

И пока что с духом у меня, очевидно, все в порядке. Потому что Люба, запах которой показался мне в силу старой сексуальной привычки таким вкусным, благополучно ушла от меня в ночь после пары коктейлей, а не лежит в одном из проулков самого модного московского острова с прокушенной шеей. Я провел пару минут, представляя себе это. Потом подумал о ее сыне. Подумал о том, как взгляну в глаза Марине, вернувшись после такого домой. О том подумал, как СЕБЕ в глаза взгляну в зеркале. Облизнулся, отпил еще рома, сел в свою машину и поехал домой.

Да, я теперь езжу на машине, даже выпивши. Есть в вампиризме преимущества: например, то, что алкоголь действует слабее, а реакции твои так быстры, что попасться на нарушении правил практически невозможно. А даже если я и попадусь – может, мне представится наконец возможность кого-то съесть без угрызений совести? Потому что кто может угрызаться совестью, съев гаишника?

Ну и еще я езжу на машине потому, что в метро мне, с моими аппетитами, решительно нельзя. В метро и нормальные-то люди могут друг друга ненароком покусать. А обо мне уж что говорить.

Я приезжаю на Покровку, к Марининой квартире, где мы уже два года живем вместе, сравнительно быстро: предновогодняя суeta в Москве еще не началась, и пробки не катастрофические, а просто ужасные. Несколько секунд сижу в машине, не включая свет, и думаю о прошедшем дне. Я сделал немного работы, подумал про себя кое-каких мыслей, встретил бывшую девушку. Хорошо поболтали... Достойное ли это времяпрепровождение для одного из дней вечности?

С другой стороны – чем бы я еще мог заняться?

Странная это мысль: вечность – это не какие-то сияющие возможности и перспективы. Вечность – просто обычная жизнь, день за днем. Только дни эти бессчетны.

Я поднимаюсь на лифте вверх, на последний этаж. Мог бы по лестнице взбежать, чтобы энергию немножко потратить, но я так считаю: если мне лень бежать, значит, переизбыток энергии не наблюдается. Открываю дверь своим ключом – Марина когда-то подарила мне его на Новый год, и это был самый лучший в мире подарок, знак того, что она по-настоящему пустила меня в свою жизнь.

Я сразу чувствую Марину и слышу негромкую музыку в ее наушниках – она сидит за компьютером. Не заходя к компу, направляюсь на кухню, к холодильнику, который забит моими пакетиками с кровью. Разрываю упаковку и пью – заливая все, о чем думал на съемке и в баре, заливая память о чьих-то шеях и запахах. О соблазнах, которым не хочу поддаваться.

Марина мгновенно материализуется у меня за спиной. В ее мягком голосе звучит легкая тревога:

– Ты ведь ел недавно – сегодня утром, нет?

Она права, я ел. И мне рано еще брать добавку: обычно мы питаемся – так, чтобы как следует, досыта – не чаще раза в неделю.

Я опускаю пакетик и пожимаю плечами:

– Трудный был день. Захотелось подкрепиться.

Она понимающе кивает и подает мне бокал:

– Ну пей тогда цивилизованно, а не из горла.

Я поднимаю бровь:

– Каламбурчик получился, между прочим.

– Ну тебя! – Она весело морщит нос и жестом зовет меня в гостиную. – Пойдем, посиди со мной, усталый и голодный мужчина. Чего будем делать? Может, кино посмотрим?

– Не хочу кино. – Я выливаю остатки крови из пакета в бокал и иду за ней. – Тебе не интересно узнать, как прошла съемка?

Она фыркает:

– Завтра узнаю. Если бы что-то было не так, ты бы мне сказал, верно?

– Все-таки для моей начальницы ты удивительно легкомысленна. Нормальный главный редактор потребовал бы от своего арт-директора поляроидов, что ли.

Марина улыбается, устраиваясь рядом со мной на диване и поджимая под себя босые ноги:

– Я безгранично доверяю своему арт-директору.

– Это радует.

Я откидываю голову на спинку дивана и прикрываю глаза. Я не достаточно устал, чтобы спать, мне теперь вообще требуется меньше времени на сон, часов трех в сутки вполне достаточно. И я не особенно жажду говорить о съемке – там и правда рассказывать нечего. Мне остается только рассказать о том, что в самом деле занимает мои мысли. О Любе. Вот только сдаётся мне, что Марине это не особенно понравится.

Не открывая глаз, я говорю:

– Знаешь, кого я встретил на «Красном Октябре»? Любу Быстрову из «Лидера». Они тоже чего-то там снимали, конкуренты проклятые.

Моя попытка заострить внимание Марины на профессиональном аспекте встречи не имеет успеха. Она сразу зрит в корень проблемы:

– Ту самую Любу, с которой ты мне изменил?

Я поворачиваюсь к ней и говорю с усмешкой:

– Позволю себе напомнить, что в то время мы были официально расставшиеся. Так что технически это изменой считаться не может. И в любом случае в постели я в ту ночь не блистал – думал, знаешь ли, о другом. То есть о другой.

Марина легонько кивает, признавая правоту моих слов. Но я все равно вижу, что она не слишком довольна. Однако спрашивает вежливо:

– Ну и как у нее дела?

Я отпиваю еще глоток:

– Судя по всему, хорошо. Отлично даже. Выглядит прекрасно, веселая.

Марина хорошо меня знает – чувствует, что я чего-то недоговариваю.

– И?

– Что «и»?

– Это ведь еще не все?

– Ничего-то от вас, девушка, не скроешь. Не все, нет. У нее ребенок, оказывается. Сын, почти два года. А я и понятия не имел – получается, что мы целую вечность не виделись.

Марина издает тихий, печальный вздох. Черт, вот ведь знал, что она расстроится, – тема чужих детей для нее всегда несколько болезненна. Своих двести лет назад она очень любила, и о потомках их заботится как может, присматривая за ними издалека. Но потомки – это все-таки немножко не то.

– Это хорошо. – Между нами висит короткая пауза, а потом Марина роняет осторожно: – Не жалеешь?

– О чем?

– Ну ты мог бы быть теперь с ней.

Я развожу руками – я страшно не хочу сейчас погружаться в беседу о том, насколько гармоничнее сложилась бы моя жизнь, если бы у меня хватило в свое время ума и выдержки держаться смертных женщин, а не гоняться за прекрасной вампиршей.

– Мы это обсуждали много раз. Хотел бы я быть с ней – был бы. Если я не с ней, значит, не хотел. Мы всегда, если тебе интересно, были скорее друзья, чем любовники.

О том, насколько привлекательной мне показалась теперь, после долгой разлуки, бывшая девушка, я говорить не буду. Дело не в ней. Дело в ее запахе. И только.

Марина недоверчиво хмыкает, и мне приходится пустить в ход тяжелую артиллерию – вспомнить ее бывшего любовника, а ныне нашего общего лучшего друга Сергея Холодова, он же – пятисотлетний испанский вампир Серхио.

– Это как вы с Серхио. Хотела бы ты быть с ним – никогда бы со мной не связалась. Люба отличная девушка и, что немаловажно, очень хороший продюсер. И именно поэтому – а не потому, что я жалею о прошлом – я, кстати, позвал ее к нам прийти на следующей неделе. Нам же нужен человек. Поговоришь с ней? По-моему, она подойдет.

Марина смотрит на меня подозрительно:

– Почему она? Ты же сказал, что она всем довольна?

– Никто, работающий в журнале «Лидер», более известном как «Пидор», полностью доволен быть не может. Конечно, она рада была бы уйти в Alfa Male. И со мной она всегда хорошо работала.

Марина резко встает с дивана, отходит к своему столу. Ее обращенный ко мне взгляд угрюм, а голос печален:

– Нам нужен человек... – повторяет она мою фразу. – Тебе нужен человек, верно?

– Марина!..

Мне не нужно продолжать – она понимает, что опять наступила на свои любимые грабли. Но сердиться я на нее не могу – слишком у нее несчастный вид.

Я подхожу к ней и обнимаю за плечи.

– Глупышка моя ревнивая. Все, что мне нужно, у меня есть.

Она поднимает ко мне лицо – ищет поцелуя. Ее ласковый взгляд, ее полураскрытые губы, шелк ее темных волос под моими пальцами – все это так бесконечно дорого мне и так щемяще прекрасно.

Мне становится смешно даже вспоминать свои сомнения о том, что для меня в жизни важнее всего. Никакая жажда крови не может заслонить моей возлюбленной. Никакой голод не может изменить сознание настолько, чтобы я перестал ценить то, что еще раньше изменило меня... навсегда.

Я целую ее, и мне в голову приходит простая мысль. Мы не всегда можем выбирать, кто мы. Но мы всегда можем выбрать, с кем мы.

А потом у меня вообще в голове не остается никаких мыслей – я слишком занят своими чувствами. Главное из них – жажда. Но совсем, совсем не крови.

По крайней мере, не сейчас. Не в эту ночь.

Глава 2

Перед тем как Влад вернулся с работы и попытался обмануть мои чуткие уши и проскользнуть тайком к холодильнику, чтобы выпить еще крови, я сидела за компьютером, читала разные сайты с биографией Шанель – освежала в памяти материал для статьи о том, как важна была эта женщина для формирования мужского сознания в XX веке, – и слушала Эдит Пиаф. Для любого, кто знал их обеих или хотя бы обладает частичкой воображения, читать о Шанель под пение Пиаф – самое естественное дело.

На самом деле читать мне особенно ничего не нужно – я, как уже было сказано, знала Шанель лично и могла бы этим бедным закопавшимся в архивах биографам такого рассказать... Скорее мне нужно было свериться с этими текстами, чтобы не рассказать лишнего – того, что не подтверждено источниками, того, что знать никто не может, а потому и писать нельзя, чтобы не превратиться, будучи на самом деле очевидцем прошлого, в подобие дешевого изобретателя сенсаций для желтой прессы. Но все эти тексты любой пишущий о моде человек знает практически наизусть, поэтому я была не слишком сосредоточена, и сознание мое праздно петляло туда-сюда. Пиаф пела, что «Не жалеет ни о чем». И я, по извечной вампирской – а может быть, просто женской? – привычке все принимать на свой счет, думала: могу ли я сказать так же? Подписаться, как выражаются в интернете, под каждым словом?

Не знаю. Сказать по правде, я не знаю ответа на этот вопрос. С одной стороны, я получила все, о чем только может мечтать женщина, смертная или бессмертная. Я люблю человека (все во мне противится необходимости называть его теперь существом!), которого считаю лучшим в мире и ценю больше всех. Я любима им. Больше того, я знаю, и знаю совершенно точно, что он никогда меня не покинет. Ничто не разлучит нас – ни болезнь, ни смерть, ни старость. Ничто нас не изменит – мы никогда не потеряем своей молодости и красоты. Как застывшие в янтаре доисторические мухи, мы надолго переживем нынешнюю эпоху – увидим, как изменится мир, увидим его закат и новую зарю. Но, в отличие от мух в янтаре, мы будем живыми. Вечно. И мы будем вместе.

Все это так – с одной стороны. Но все это... формально. Все это лишь схема, сценарный план, так сказать. Упрощенная концовка из сказки или дурной романтической книжки: «они жили долго и счастливо и никогда не умирали». Но ведь на самом деле все не так просто. Не так безмятежно. Банально, конечно, вспоминать расхожую максиму о том, что только сказки заканчиваются свадьбой, а вот о дальнейшей совсем не сказочной жизни говорить как-то не принято. Но ведь это правда.

После счастливого воссоединения влюбленных начинается повседневная жизнь. И если друг друга любят не нормальные люди, а бессмертные существа, их повседневная жизнь складывается несколько необычно. Помимо типовой проблемы – чем же заполнить мысли и время, когда все трудности преодолены и ничто не мешает быть вместе... Помимо этой проблемы, с которой сталкиваются все, есть еще кое-что. А именно – отсутствие перспективы.

Я понимаю, звучит парадоксально: у нас с Владом целая вечность впереди, а я думаю о том, что нам не к чему стремиться. Но я все равно права. Нормальные люди, начав жить вместе, сталкиваются тут же со множеством мелких трудностей, которые занимают их время и не дают им думать лишнего. У них всегда есть будущее, всегда есть что-то за горизонтом, чего стоит ждать. «Когда наступит зима, мы будем ходить на каток». «Когда наступит лето, мы поедem в отпуск». «Когда сантехник уйдет, мы наконец сможем спокойно поесть». «Когда дети уснут, мы сможем заняться любовью». Нормальные люди делают ремонт, копят деньги на машину, ожидают рождения детей и следят потом за их ростом. Они не замыкаются на самих себе – или друг на друге – как на единственной реальности. И у них не хватает обычно вре-

мении усомниться: так ли уж они достойны того, чтобы быть единственным смыслом чьего-то существования?

Я не знаю, почему думаю об этом. Дело не в том, что я сомневаюсь во Владе, в своих чувствах к нему, или он дает мне какие-то основания заподозрить, что он сомневается в своих чувствах ко мне. О нет, он так же предан мне и так же прекрасен, как... при жизни. Его присутствие, сам факт его бытия доставляет мне такую же безотчетную радость. И я знаю – вижу в его глазах, когда он смотрит на меня, что я – единственная настоящая ценность его жизни. Но я никуда не могу скрыться от мыслей – маленьких, робко скользящих все время по периферии сознания... Мыслей о том, как бы все сложилось, если бы у него был настоящий выбор. Выбор – влюбляться в меня или нет. Мне все кажется, что у меня выбора не было, потому что наши сверхъестественные натуры управляются какими-то странными законами, и за всем, что мы, вампиры, делаем, маячит одно слово – «неизбежность». И пусть Влад уверяет, что его судьба тоже решилась в ту секунду, когда мы встретились, я все равно всегда буду сомневаться. Он ведь был тогда человеком. У него был выбор. Но он им не воспользовался. Или я ему не дала?

Есть еще один выбор, который не был ему дан.

Выбор – умирать или нет. Это решение приняли за него. И я не могу роптать на то, что он жив. Но я не могу и не думать: счастлив ли ОН тем, что произошло? Он ведь не хотел этого – не на самом деле. Да, он просил обратить его, это верно. Но только ради того, чтобы быть со мной. Всего остального – скорости, силы и жажды крови, ее особенно, – он не просил. И не хотел. Именно поэтому я ему и отказывала – потому что знала: он не осознает всего, что связано с этим странным свойством, бессмертием. Не осознает великого тупика и великого одиночества тех, кто может жить вечно, но не очень знает, зачем... Влад хотел быть со мной, но вряд ли такой ценой. Он не стремился стать иным. И он уж точно не просил себе такой особенной судьбы, как та, что ему досталась.

Я восхищаюсь им на самом деле – восхищаюсь безмерно, больше, чем кем-либо в жизни. Мне всегда мерещилось за его мальчишеским обаянием невиданное мужество, всегда восхищало инстинктивное бесстрашие, с которым он воспринимал жизнь. Оно могло показаться глупостью, неспособностью осознать все нюансы ситуации, это его бесстрашие. Мол, мальчик слишком медленно соображает, чтобы испугаться. Но я видела другое. Мне всегда казалось: Влад как раз понимает все мгновенно и отбрасывает опасность как нечто несущественное. Я не случайно думала о нем однажды как о военных моей молодости – кавалергардах, чей век, как пелось в той простенькой песенке, «не долуг». В самом деле, ведь безумцем или идиотом надо быть, чтобы верхом на лошади галопом нестись навстречу артиллерийскому огню. Но ведь они не были глупцами, эти юноши, усеявшие костями поля военной Европы от Бородина до Ватерлоо. Они видели опасность – знали о ней. Они просто отметили ее. И чтобы сделать это один раз, в пылу схватки, достаточно азарта и задора. Но чтобы делать это снова и снова, видя, как гибнут твои товарищи... Для этого требуется мужество. Сила духа, которой, как мне казалось, к XX веку в мужчинах уже не осталось. И когда мне чудилось, что я замечаю отблеск этой гусарской отваги во Владе, я пыталась мысленно приструнить себя. Мол, во мне говорит любовь к нему – ослепление, из-за которого я простому смертному мальчику готова приписать все достоинства человечества.

Теперь я знаю, что ничего мне не мерещилось – оно было в нем на самом деле, это мужество. Под солнечной оболочкой – вихрастой головой, улыбчивым ртом, развинченной походкой и ленивой речью московского хипстера – скрывался мужчина, характер которого каким-то странным образом ставит его вне времен и эпох. Он сам не знает этого, никогда в жизни не сможет внятно объяснить, в чем дело. Но ему и не надо. Достаточно того, что он демонстрирует это тем, как живет. Тем, как с улыбкой и вполне убедительной на первый взгляд неприужденностью переносит постоянную... пытку.

Мне знакома жажда крови. Мне знаком голод. Мне знакомы внезапные вспышки темперамента, когда глаза твои застит красная пелена и ты хочешь только одного – убить. Но мне знакомо так же и чувство насыщения. Покоя. Мира. Я знаю средства, которыми их можно достичь. У меня ЕСТЬ эти средства, и они вполне невинны.

Если бы я была такой, как Влад... Я не знаю, смогла бы я жить. Я не знаю, как бы справлялась. Потому что все, что чувствую я – что чувствует любой из нас, – Влад чувствует десятикратно усиленным. Природа сотворила нас всех просто хищниками, а его – машиной смерти. Все его существо нацелено на уничтожение жизни – человеческой жизни. Его жажда – не просто жажда. Это жажда УБИВАТЬ. Живи он в прошлые эпохи – до развития медицины, до изобретения способа хранить донорскую кровь, – он стал бы легендой нашего племени. Самым беспощадным, самым неукротимым из нас. Это все есть в нем – к этому побуждает его физическая природа. И она же шепчет, постоянно шепчет ему, что это естественно. Правильно. Единственно верно – убивать. Потому что у него есть право – право сильного. Потому что ему этого хочется.

И однако он не убивает. Значит, никогда не дает себе воли. Никогда не становится самим собой... Никогда ничему не отдается целиком, со всей полнотой страсти. Потому что ему нужно держать себя в узде. Какая ирония, в самом деле: когда-то Влад страшно переживал, что мне приходится сдерживаться в его присутствии, чтобы не причинить ему вреда. Ну вот теперь наши роли поменялись. Я полностью открыта перед ним, ничего не прячу. Он... Он постоянно напряжен. Всегда есть какая-то часть его, которую ему нельзя отпустить.

Так что я не подозреваю, что он «не полностью со мной». Я знаю это. И мне, может быть, и легче было бы, если бы между нами стояла другая женщина или даже его обида на меня – обида за то, что сделала с ним моя любовь. Нет, все гораздо хуже. Он ни в чем не упрекает меня, он живет между своей жаждой и своей любовью ко мне, не задумываясь больше ни о чем. То, что стоит между нами – его усилия сохранить человечность. И боль, которую ему причиняют эти усилия. Невыносимая боль, и я ощущаю ее, как свою.

Вот поэтому я и не могу сказать, вслед за Пиаф, что «не жалею ни о чем». Я жалею. Жалею о боли, которую причинила своему возлюбленному тем, что пожелала быть с ним. Жалею о цене, заплаченной за банальное, обычное счастье – быть вместе.

Влад сидит сейчас на террасе нашей квартиры на Покровке, на террасе, с которой открывается такой прекрасный вид на ночную Москву. Оголенные деревья осенних бульваров, огни машин – золотые у одного потока, красные у противоположного. Он смотрит в высокое небо, на котором его глаза видят гораздо больше звезд, чем доступно взору человека. Он слышит звуки улицы, слышит голоса людей там, внизу. Он улыбается их шуткам, хмурится их заблуждениям и глупостям. Чувствует их запахи. И для какой-то части его эти впечатления – как для голодного человека проход между стеллажами продуктового магазина: вокруг столько всего соблазнительного, хочется бросить в корзину и то, и это... Но Влад ничего не делает. Он просто сидит там и курит. В последнее время он курит еще больше, чем раньше. Запах дыма забивает хотя бы немножко запах желанной добычи, на которую он не позволяет себе охотиться.

Он думает, что я сплю. Он оставил меня одну на кровати, после того как мы занялись любовью и я сделала вид, что уснула. Я притворилась специально. Ему нужно личное пространство и время побыть самим собой, не совершая дополнительных усилий, чтобы казаться спокойным и веселым. Ему нужно побыть одному, и я дала ему такую возможность. Мне вовсе не обидно, что ему требуется время от времени отгородиться – освободиться – даже от меня.

Мне не обидно. Мне страшно.

Потому что я знаю, что лежит перед ним на столике, рядом со стаканом рома, пачкой сигарет, зажигалкой и переполненной пепельницей. Это маленькая вещица, хрупкая и смертоносная. Стекланный пузырек. Влад постоянно носит его в кармане и иногда опускает туда руку, чтобы поиграться с ним, погладить пальцами, покатавать из стороны в сторону. Я не раз

замечала, как он делает это, и однажды не выдержала – посмотрела, что же он сжимает в кулаке с таким непонятым, отрешенно-мечтательным выражением на лице.

Это ампула с хлоргексидином: распространенным, простым и дешевым антисептиком, который обладает одним неизвестным людям полезным побочным свойством. Он смертелен для вампиров. Одна инъекция этого невинного вещества, и наша вечная жизнь оканчивается – буквально за пару минут. Мы используем его для казней тех, кто провинился: нарушил законы нашей семьи или поставил под угрозу ее тайну.

И еще его, конечно, можно использовать самому. Если вечная жизнь покажется невыносимой.

Обнаруженное заставило меня похолодеть от ужаса, но, в сущности, не удивило. Я понимаю, что Владу хочется – что ему НУЖНО – иметь под рукой доказательство: все может прекратиться. Если станет совсем страшно, все это можно остановить. Мне больно думать о том, что заставляет его постоянно носить с собой смертельный яд и находить утешение в прикосновениях к сосуду с ним. Мне больно, но я понимаю.

И я благодарна судьбе за то, что, похоже, значу для своего возлюбленного все же больше, чем все остальное. Если он находит в себе силы жить, быть со мной и не вскрывает свою ампулу, значит, я очень важна. Возможно, это самонадеянно с моей стороны, думать, что между Владом и отчаянием стою только я со своей бессильной любовью. Но я, честно говоря, не вижу ничего другого, кроме нас. Меня и моей любви.

Да, я рада, что помогаю ему. И рада, что понимаю его. Но нет – я не могу, конечно, сказать, что ни о чем не жалею. Так что все, мадемуазель Пиаф, вы победили.

Я поворачиваюсь в кровати – тихонько, чтобы не привлекать его внимания и не вынуждать разговаривать со мной. Пусть еще посидит спокойно. У него был тяжелый день. Он столкнулся со своим прошлым. Столкнулся с женщиной, которая была ему дорога. И как бы упорно ни отрицал этого, он не мог не подумать о том, как сильно изменился, с тех пор как в последний раз видел ее.

Меня удивила его реакция на встречу с этой Любовью Быстровой. Я бы на его месте раздражилась и постаралась уйти в сторону. Он, наоборот, обрадовался – словно бы устремился к ней. Вместо того чтобы спрятаться от воспоминаний, он открылся им. Влад не хочет бежать – наоборот, хочет снова сделать прошлое частью своей жизни. Иначе как объяснить его желание пригласить Любу на работу? О, я не сомневаюсь, что она и правда прекрасный продюсер, как он и говорит. И хотя мне она никогда особенно не нравилась, я готова признать, что ошибалась, и дать ей шанс.

Мне только хотелось бы понять, зачем ему это. Чего он ждет от того, что женщина, которая, в отличие от него, так наглядно выбрала жизнь и живет ею так полнокровно, снова будет находиться где-то рядом? Надеется ли он почерпнуть из ее общества что-то, чего ему недостает – чего не могу дать ему я? Видит ли он в ней отражение себя, прошлого и безвозвратно потерянного? Воспринимает ли как ключ к своей человечности, способ удержаться в мире людей? Она, очевидно, все еще дорога ему – он благодарен ей за теплоту, которой она поделилась с ним в то время, когда я причиняла ему боль.

И чего мне стоит опасаться: того, что он расслабится рядом с ней и не удержит в руках свою натуру убийцы? Такая опасность есть. Но есть и другая.

Воспоминания о том добре, что она сделала ему, могут привлечь его... по-другому. В отличие от меня, она живая, а он теперь ценит жизнь, как все мы ценим навеки утраченное. И живые женщины, вызывающие смесь реального и сексуального голода, всегда будут для него неизъяснимо притягательны. В отличие от него и меня, у этой Любы есть будущее, и ее не ждет впереди бесконечная пустота. В ее глазах он не увидит ни сожалений, ни вины. В отличие от моих.

Так чего мне опасаться больше: того, что Влад убьет ее, или что полюбит?

2 декабря 20XX, «Живой журнал»

GreatLove2011 написал (а):

«И снова здравствуйте, люди. Опять я вас забросила, и опять мне есть чем оправдаться. Угу, снова работой. Только теперь – тада-а-ам, торжественную музыку в студию, плиз! – НОВОЙ работой. Да-да-да, я таки сделала это. Я ушла из журнала «Пидор», благо каторжный труд предыдущих недель привел к тому, что у меня не было перед ними долгов: все съемки сделаны на два номера вперед. Поэтому эти рабовладельцы сжалились и отпустили меня без положенных двух недель отработки.)) Ура, товарищи!

Но это еще не все поводы для «ура». Я ушла не в чистое поле, а все-таки к Владу П., в его «отряд «Альфа», как они называют свой журнал. Мой экс, как оказалось, при случайной встрече не зря многозначительно двигал бровями. Мне позвонили из их отдела кадров, я к ним сходила, бледнолицая Марина была со мной любезна и мила, и денег они предложили нормально. Так что все – it is official: со вчерашнего дня я работаю в другом месте. Пока нравится. Адрес удобный, в центре, мне с моей Курской ехать всего полчаса – от двери до двери. На метро, естественно – на машине туда только псих поедет. Офис нарядный, вид из окон просто офигенный, на тысячу красивых крыш. Марина вежливая, Влад креативный, бюджеты на съемки хорошие, и еще, конечно, плюс: издательство иностранное, и поэтому перед ними все двери открываются очень бойко. Мне еще никогда так легко не давали разрешение на съемку посреди музея-заповедника «Архангельское», как сегодня утром. Снимаем через два дня. Очень все пока интересно.

И компы в конторе крутые – новые «Маки». Красота!

Ну я, само собой, конечно же, ушла опять с работы на работу, даже не вспоминая это странное слово – «отпуск». Ну и фиг с ним: кому так уж нужен отпуск в декабре?:))) И вообще, лучший отдых – это смена деятельности. Вот.

ПыСы: А еще я сегодня видела самого красивого мужчину в своей жизни. И между прочим, мне есть с чем сравнить: я, на минуточку, много лет в глянцевого бизнеса работаю. Встреча, впрочем, была нелепа, как жизнь Бриджит Джонс. Я мчалась к лифту (недостаток моей новой работы – очень трудно лифт ловить, здание высокое, а он один!), а передо мной закрывалась дверь. Дабы успеть, я дерзко выставила вперед ногу, чтобы ее удержать. Дверь удержалась, я вломилась в кабинку. А там был ОН. Ухмылялся, на меня глядячи. Девушки, это реальный свун – высокий, спортивный, темно-рыжий (не смейтесь, выглядит круто!:))), а глаза темные, и ресницы имеются, и такие ску-у-улы... И слегка небрит. И губы такие... ну губы, короче. И одет, вы не поверите, в кашемировое пальто. С шарфом от Etro. Я не шучу. Ибо выглядело не пижонски, а как-то правильно. Как будто он из крутого сериала.))

Ну и конечно же, по всем законам жанра, нога, которую я ему первым делом предъявила, была не в ажурном чулке и даже не в эротичных сапогах на шпильках. Нет, конечно, она (моя нога) была в грязном рыжем австралийском валенке. Я же как девочка из анекдота: «Идут по улице три девушки. Одной восемнадцать, две другие тоже в уггах».)

Так что не думаю, что неземной красавец впечатлился. Если еще учесть красный от мороза нос и волосы, небрежно примятые шапкой, то можно даже и не думать, а знать наверняка. НЕ впечатлился. Ну что, как говорится, за злая судьба?:)))

Но я в отчаяние не впадаю. Потому что он наверняка гей.))) Мужчина такой красоты и ухоженности, направляющийся в редакцию глянцевого журнала, натуралом быть не может. По определению. Так что мне все равно ничего бы не светило, будь я хоть сто раз на шпильках.:))) Но хоть полюбовалась!:)»

9 комментариев:

Shopping-Free:

«Ищешь кашемировое пальто?! В ТЦ „На Савеловской“: огромный выбор по бросовым ценам...»

Помечено как спам

Anutka6653:

«Люба, супер. Ты прямо молодец, я бы вот так с налету не уволилась. ((Давай теперь шли вести с новых модных фронтов! И сплетни, сплетни – и побольше.:))))))»

PopovaIra:

«А Влад-то как?»

GreatLove2011 (ответ на комментарий) PopovaIra:

«А что Влад? Он как обычно. Смурной и лохматый».

PopovaIra:

«Ну ты сурова. Он, по-моему, тоже очень красивый мужчина. Неужели кашемировое пальто лучше?))»

GreatLove2011:

«Подруга, Влад очень, очень занят. В смысле больше никого просят не беспокоиться – они с Мариной прямо „состоят в отношениях“, как выражается фейсбук. Да и вообще, он пройденный этап. И вообще, не оскверняй мою мечту. О пальто.))»

Anutka6653:

«Неужели и правда пидор?))) Обидно!»

GreatLove2011:

«99 процентов. Он еще и вел себя так... холодно. Улыбался, но без огонька.)) Мистер, понимаешь ли, Дарси.)) Но вообще – страшная штука московская жизнь: встречаешь красивого мужчину и СРАЗУ думаешь: „Ну этот, конечно, гей“. Тьфу.»

Anutka6653:

«И не говори!))»

Глава 3

Я часто задаюсь вопросом: почему владелец нашего чудесного издательства Грант Хэмилтон имеет такую ненормальную страсть к ранним новогодним корпоративам? Все люди как люди, и празднуют ближе к делу, а мы почему-то пляшем с заячьими ушами где-то в районе 10 декабря. Никогда у меня не доставало решимости его спросить. Ну раньше это было бы и не по чину – все-таки обычные арт-директора владельцев бизнеса о таких психиатрических тонкостях не расспрашивают. Но теперь-то мы с ним родственники: он, конечно, старше, восемьсот лет – это вам не хухры-мухры. Однако все равно семья, а кровь, как известно, не водица, что мы как раз знаем доподлинно. Так что теперь я мог бы и спросить. Но опять не спросил. Лень. И успеется еще.

Хотя вот, кстати. Успеется ли? Я о чем: я работаю в Alfa Male уже сколько – пять лет? Почти шесть: три года с покойным пьяницей Михалычем. Год с Мариной, пока я еще был нормальным. Еще два года в моем нынешнем состоянии. Это, конечно, не очень долго. Но мне все равно интересно: сколько еще можно просидеть на одном месте, прежде чем люди начнут замечать, что ты маленько законсервирован и как-то с течением времени вообще не меняешься? Ни тебе седин, ни морщин. Конечно, есть такая закономерность: люди, которые видят тебя постоянно, не замечают перемен во внешности. Или их отсутствия. Мы для близких всегда нормальны, всегда выглядим «как обычно». Моя семья, то есть моя человеческая семья, не обращает внимания на мою внешность. Из всей толпы любящих родственников меня про цвет глаз спросила только мама. Ну это естественно, наверное: все-таки когда у сына глаза из серых вдруг становятся карими, мама должна заметить. Я соврал, что стал носить линзы, – много работал на компьютере. Она поцокала языком и забыла об этом. А больше никто и бровью не повел. Потому что я для них – просто я, Влад, младший брат.

Ну ладно семья. А знакомые? Они когда обратят внимание, что со мной что-то не так? И когда, собственно, мне придется, чтобы не вызывать вопросов, уезжать из Москвы – менять жизнь, круг общения, может, даже профессию? И как я буду этот отъезд и свое исчезновение объяснять – родным, например? Марина говорит, что в среднем по-настоящему заметна наша инакость становится где-то за десять лет. То есть у меня еще время. Это хорошо. Я все-таки не готов пока все бросить. Черт, я столько усилий прикладываю, чтобы можно было не бросать! Стараюсь никому не вредить, чтобы не пришлось убегать, заматавая кровавые, как говорится, следы.

На самом деле есть еще один вариант решения проблемы – к нему прибегал, как объяснил мне Серхио, мой покойный создатель, Этьен. Можно гораздо реже обычного питаться и пить кровь по чуть-чуть. Тогда твоя внешность меняется – ты потихоньку как бы «стареешь». Это, правда, до первого плотного обеда, но все-таки помогает: можно выглядеть лет на десять старше, чем в момент обращения.

Только вот я боюсь, что этот вариант не для меня. Если я буду голодный, то меня нельзя будет выпускать к людям. В буквальном смысле слова.

Хотя, может быть, поставить эксперимент? Уехать с Мариной куда-нибудь в уединенную местность, где мне не на кого будет кидаться, и попытаться банально не жрать. Проверим, сколько я выдержу. И будет ли игра стоить свеч: насколько я изменюсь, и стану ли совсем невменяем, или только слегка безумен.

Надо будет попробовать. Потому что я не хочу уезжать отсюда, ни сейчас, ни через десять лет. Мне нравится мой город – я, конечно, еще в Лондоне себя уютно чувствую, но все равно Москва лучше. Мне, собственно, и Лондон-то нравится потому, что чем-то неуловимо похож на столицу нашей родины. Такой же суетный и перемешанный и ЖИВОЙ. Так что, наверное,

я смогу уехать в Лондон. Грант делает вид, что переводит меня туда работать. И объяснение для мамы найдется... И все будет хорошо.

А потом, с годами, будет уже все равно. Как сказано в великой франшизе «Сумерки» по поводу обращения: «Одно из неизбежных последствий такого выбора – то, что через какое-то время все знавшие тебя люди оказываются мертвы». Или что-то в таком роде. И это, знаете ли, мерзкая мысль. Мне совершенно не нравится думать, что я переживу всех, кого знаю. Всех своих племянников и племянниц. Всю эту веселую пьяную толпу с корпоратива. Еще каких-то пятьдесят лет, и мой круг общения будет исключительно вампирским. Я буду по-настоящему знать только себе подобных и доверять только им.

Ладно, пока что я могу из-за всего этого не заморачиваться. Пока что все путем. Я никому не кажусь странным, и все вокруг меня живы и здоровы, и даже веселы. Чем всегда хороши наши корпоративы, так это обилием бухла. Грант на этом не экономит. Он изучил людей за свои восемьсот лет и знает точно: рецепт хорошей вечеринки – громкая музыка и океан выпивки. Впрочем, для вампиров этот рецепт тоже актуален. От выпивки ни смертные, ни бессмертные существа не отказываются.

Я стою на антресолях над большим залом какого-то очередного клуба на заводе «Арма»: в заброшенных индустриальных зданиях клубы растут как грибы. В ушах диджейское дынц-дынц, в крови – повышенное содержание алкоголя. Вокруг веселье. Грант сидит в глубине зала на кожаном диване с неимоверно довольной рожей: сентиментальный он чувак, этот старый шотландец, и любит, когда люди радуются. И есть чему – год был удачный, всем зарплаты повысят, все хорошо.

Марина внизу, на танцполе – кружится в объятиях нашего директора отдела моды, Эдика Морозова. Это традиция такая: на каждом корпоративе от них ожидают искрометного танца, и они не разочаровывают. Вот прямо сейчас он ее подхватил на руки и реально закружил. Красиво. Как и все геи, Эдик от Марины без ума, он ждет этого вечера, наверное, весь год. И она рада ему угодить. Я не ревную – танцует он и правда классно, в отличие от меня.

Остальные фигуры на танцполе, увы, не так грациозны. Все-таки сотрудницы бухгалтерии и статистического отдела не рождены для быстрых танцев. С водителями. Но раздражаться на них невозможно: им весело, черт возьми! Да и не много у них возможностей зажечь и покетничать, в обычной-то жизни. Охранник того заведения, где мы праздновали в прошлом году, сформулировал проблему лаконично (у нас с ним была душевная беседа на почве курения на крыльце): «Что у вас за контора такая – куча красивых баб, а все мужики пидоры?» Он потом на меня испуганно покосился – типа, не обидел ли. Но я сделал доброе лицо, и мужик успокоился. Но сказано было метко.

Это вообще забавно, на самом деле. Девушки так стремятся устроиться на работу в глянец, потому что со стороны все выглядит неимоверно привлекательно: мода, знаменитости, вечеринки, «сплетник-точка-ру». А попав, оказываются заложницами довольно-таки выматывающей рутинной беготни, и вообще без потенциальных мужей и бойфрендов. Голяк-с. Кто не женат, тот голубой. Такая вот московская действительность.

Черт, что-то я становлюсь как Грант – не в меру сентиментален.

Но я знаю, вообще-то, в чем причина этих мыслей.

Среди прочих девушек, танцующих с нашими веселыми геями, я вижу Любу Быстрову. Она, в отличие от многих других женщин в нашем мире, иллюзий не имеет – знает всю подноготную. Но и ее мне жалко. Она такая клевая на самом деле. Стройная, ногастая – язвительная Марина уверяет, что похожа на кобылу, но это в ней ничем не обоснованная ревность говорит. Фигура у Любы что надо, и в сочетании с гривой волнистых русых волос, веселыми серыми глазами и не менее веселым нравом получается девушка просто отличная. И мозги у нее есть. И она как-то... живет жизнь. Не заморачивается, не комплексует. Хорошая.

Очень я рад, что мы ее позвали к себе. Она освежает обстановку в коллективе. И работает хорошо, тоже без суеты. Вот буквально на прошлой неделе – у нас, у нее уже, сорвалась съемка. Мы должны были в Архангельском снимать на заснеженной природе какой-то камерный квартет, играющий на антикварных музыкальных инструментах соответствующую антикварную музыку. Марину потянуло на культуру, она решила придать нашему глянцевого листку солидности. Или просто поддалась на уговоры Серхио, который, будучи музыкальным критиком, всегда ратует за свои барочные штучки, а тут еще выступает одним из продюсеров музыкального фестиваля, который должен в Архангельском, в восстановленном театре XVIII века, весной пройти. Короче, должна была Люба снимать этот квартет. А они в последнюю минуту перенеслись – их вызвали в Питер, играть на скрипочках для участников какой-то правительственной тусни. И сорвалась съемка. А такая съемка, между прочим, это вам не баран чихнул. Надо арендовать свет, пригонять стилистов и визажистов, брать одежду, везти фотографа с ассистентами, всех кормить. Плюс еще декорации – Люба с Эдиком решили там посреди снежной равнины расстелить, для сюрреалистичности, огромный кусок искусственного газона. Короче, масса возни и десяток людей, которых нужно построить. И все это коту под хвост. Но Люба же разве запаниковала? Ничуть. Все как-то разрулила без тени истерики, все остались спокойны и готовы стройными рядами ехать на съемку в другую дату. Послезавтра, если мне не изменяет моя бессмертная память.

Золотая девушка.

– Кто она?

Язвительный голос над моим ухом ни с чьим не спутаешь: в нем звучат столетия снобизма и ощущения собственного превосходства над остальными существами, смертными и бессмертными. Серхио, наш музыкальный вампир, легок на помине. Конечно, он тоже приперся на корпоратив, он же член семьи, и без него у нас в издательстве даже фикусы в кадках не растут. Удивительный он все-таки тип: вот ведь жизнь его треплет не меньше, чем других: всего-то два года назад вампирское сообщество подозревало его в целом ряде преступных деяний, он потерял свое «дитя» – вампира, которого когда-то создал по большой дружбе. И сам он от переживаний у меня на глазах пытался на солнце поджариться. Но ему все как с гуся вода. Стоит тут, такой же невозмутимый и расслабленный, как обычно. Словно ничто его не тревожит и не тревожило никогда за все пятьсот лет.

Я всегда ему завидовал, еще когда был смертным. И теперь завидую. Мы с ним одинаково сильные и быстрые и одинаково мертвые, но мне почему-то его великолепная расслабленность не дается. Нервный я какой-то.

Или просто не научился еще делать хорошую мину при плохой игре? Я же все-таки еще очень в вампирском плане юн. Кто его знает, этого Серхио, каким он был в XVI веке, когда его обратила в тени монастыря красотка-вампириша? Может, был такой же нервный.

Так или иначе, я не могу допустить, чтобы он меня застал врасплох – я себя уважать не смогу. Поэтому делаю невозмутимое лицо и переспрашиваю:

– Какая «она»? Их тут целый танцпол.

Серхио поднимает одну бровь:

– Неубедительно. – Черт бы его побрал! Ну ладно, кого я в самом деле обмануть пытаюсь? Он все-таки хорошо меня знает, и он мне самый настоящий друг. И как настоящий друг он, уколол меня иронией, приходит мне на выручку и смягчается – делает вид, что пока меня не расколол, и опускается до пояснений: – Новая девушка. Русая. Там, слева. Ты не сводишь с нее глаз.

Хм, неужели мое внимание к Любе так заметно? Или это только Серхио, имеющий огромный шпионский опыт, все подмечает?

– Наш новый продюсер, Люба Быстрова. – Я пожимаю плечами, изображая непринужденность и равнодушие. – Она раньше работала в «Лидере».

Серхио устремляет на танцпол чуть более заинтересованный, чем раньше, взгляд:

– А, так это она мне звонила и страшно извинялась за перенос съемки?

– Точно. Я и забыл, ты же тоже должен был в Архангельское ехать.

– Приятная девушка. Язык хорошо подвешен.

Я поднимаю на него взгляд. Красивая физиономия испанца непроницаема.

– Серхио, почему мне кажется, что ты чего-то темнишь, как обычно?

Он усмехается и на секунду отрывается от разглядывания Любы, чтобы бросить быстрый взгляд на меня:

– Потому, что у тебя самого рыльце в пушку. В самом деле, Влад – ты долго смотрел на нее, и личико у тебя было странное. Я наблюдал за тобой. Что происходит?

Мне стоило бы задуматься – происходит ли? Обычно, если Серхио что-то чудится, что-то и правда есть. Но я не задумывался, и мне остается только мотнуть головой:

– Ничего. Ровным счетом ничего. Я просто... думал.

Он продолжает вопросительно на меня смотреть. Я поясняю, мучительно подыскивая правильные слова:

– Она такая... живая.

– Они все живые.

– Пошел ты!.. Не в этом смысле. Я имею в виду характер. Манеру поведения.

– Ты знал ее раньше. – Это не вопрос, а утверждение. И я понимаю, о чем он: речь не о том, знал ли я Любу на прежней работе. «Раньше» – значит «до того, как стал вампиром».

– Знал.

– И не просто знал.

– Не просто. У нас был роман. Легкий. Ни к чему не обязывающий.

Серхио хмурится:

– А Марина знает?

– Знает. Ну и что? У нее с тобой вон тоже был роман, но я же не возражаю.

– Это верно. И хотел бы я сказать, что это ситуация несколько другая. Но в сущности, наверное, ты прав: похожая. Хотя... Есть разница, и я не уверен, что ты ее четко осознаешь. Она, как ты справедливо отметил, живая. Ты смотришь на нее – и вспоминаешь, верно?

Я взглядываю на него подозрительно:

– Ты с Мариной говорил, что ли?

– Клянусь честью, нет. Но вывод напрашивается. Что тебе надо от нее? Ты думаешь, она поможет тебе вернуться в прошлое? – Испанец смотрит мне в глаза пристально и серьезно: – Ничего не выйдет. Возврата нет.

Гнев вспыхивает внезапно, и на секунду ослепляет меня – у нас, вампиров, нрав горячий, и фитиль горит ох как быстро:

– К черту! Ничего мне от нее не надо. Я просто... – Не знаю, чего я «просто». Просто хотел, чтобы рядом со мной был живой и нормальный друг из прошлой, живой и нормальной, реальности? Не могу я так сказать своему не в меру проницательному мертвому и ненормальному другу. Подавив ярость, я говорю – сам слышу, что с горечью:

– Я знаю, что возврата не будет. Да я и не хочу. Я ни о чем не жалею, Серхио. Я получил что хотел, и я всегда знал, что ценник у этого немалый. И вообще жалеют о свершившемся только дураки, а я все-таки не совсем тупой.

Взгляд Серхио смягчается, он ободряюще кладет мне руку на плечо:

– Прости. Я знаю, как тебе нелегко. Я только... – Он делает паузу, тоже ища верные слова: – Мы все были в том месте, где ты теперь оказался, Влад. Мы все хотели невозможного. Все цеплялись за прошлое. Рано или поздно придется уйти.

Сам того не зная, он озвучивает мысли, бродившие у меня в голове весь вечер. Мне остается только кивнуть и хмыкнуть. Он не снимает руку с моего плеча:

– Просто будь осторожен. Она кажется славной девушкой. Не наломай дров.

– Не волнуйся. Я буду держать себя в руках. Как обычно, впрочем.

Мне нужно еще выпить и покурить. Курить можно и в зале, но мне внезапно становится до тошноты душно и тесно. Я не могу ни секунды оставаться в этой толпе, среди этих разгоряченных тел и улыбающихся лиц. Мне нужно на воздух, и я, невежливо бросив Серхио, устремляюсь сквозь толкучку в сторону лестницы, ведущей на крышу. На крышу нам сегодня тоже можно выходить. Никто, правда, особенно туда не рвется, потому что ночь холодная. Ну тем лучше – я смогу побыть один.

Серхио очень умный – знает, когда удалиться в тень. Он за мной не идет. Закрывая за собой дверь, я вижу, что он, взяв себе свежий коктейль, закуривает, опирается на балюстраду нашей антресоли и устремляет взгляд в зал.

На крыше пустынно и тихо – звуки музыки с нашей дискотеки сюда едва доносятся. Я смотрю на темное небо, на крыши и трубы старых заводских корпусов. Не особенно красивая картинка, но мне она нравится. Я люблю этот город даже в самых унылых проявлениях. Это МОЙ город.

Интересно, каким он станет через сто, двести лет? Будет ли он нравиться мне, как теперь?

Марина возникает рядом со мной бесшумно, но я, конечно же, сразу ощущаю ее присутствие. По запаху и по особой электрической заряженности, которую сообщает воздуху появление женщины, которую я люблю.

Она берет меня за руку.

– Как красиво. – Она всегда знает, что сказать. И главное, не кривит душой: она понимает, почему я нахожу эти облезлые крыши красивыми, и она согласна со мной. – Помнишь наш первый корпоратив? Когда ты старался никому не показать, что у нас роман, мы сбежали порознь, и пили потом шампанское у меня на террасе.

– Отчетливо. – Я улыбаюсь. Это прекрасное воспоминание. – Между прочим, нам ничто не мешает повторить сей трюк. Грант уже сказал свою праздничную речь, ты исполнила свой танец. Нас все видели. Можно смываться. Что думаешь?

– О да! Давай.

Я пожимаю ее пальцы и спрашиваю:

– По крышам?

У нас с Мариной есть любимое общее развлечение – носиться по крышам, перепрыгивая с одной на другую. Такой, знаете ли, вампирский паркур.

Она забавно морщит нос. Видно, что соблазн велик. Но потом качает головой:

– Ох, нет. Надо все-таки сказать Гранту, что мы уходим. Чтобы не беспокоился.

Слова ее справедливы, и мы, держась за руки, спускаемся вниз. Вечеринка все еще в разгаре, но шум и суета больше не раздражают меня. Мы быстро пробираемся к выходу, кивнув на прощание Гранту. Он весело машет в ответ.

В последнюю минуту, уже выходя из зала, я снова нахожу глазами Серхио. Он спустился на первый этаж и, непринужденно лавируя между девушками из бухгалтерии, направляется к периферии танцующей массы.

К громко смеющейся над чем-то Любе Быстровой.

11 декабря 20XX, «Живой журнал»

GreatLove2011 написал (а):

«Черт бы побрал новогодние корпоративы. И вообще любые корпоративы. (((Почему на них всегда так крышу срыгает? Я же взрослая женщина. Мать, в конце концов. Ага, пьяная мать – горе семьи.))) Ну говорила же себе, что не буду нажираться. Два бокала шампанского, потом два вина – и все, баста, карапузики. И че в результате? Не спрашивайте.))) Я останусь наедине со своим позором.)))

Утро. «А поутру они проснулись». Жуть. Башка болит, пить хочется ужасно, всю ночь снилась кока-кола со льдом.))) Максим Иваныч ползает по мне, лопоча что-то про «гуять, гуять» и маша пухлой ручкой в направлении окна, за которым выпал снег.)) А я первый раз за долгое время проклиная счастье моей жизни) и мечтаю о том, чтобы он куда-нибудь еще уполз «гуять». Ох. Пить надо меньше, а жить – аккуратнее.

Тогда, может быть, можно будет не профукивать великих шансов и не покрываться потом румянцем стыда, вспоминая о своем поведении.

Заинтригованы?:) То-то.

Поясню. Вчера, на этом самом корпоративе, пока я буйствовала среди своего нового коллектива, знаете, кто ко мне вдруг подошел в толпе? Ну? Три попытки? Версии какие-нибудь?)) Ладно, зануды, так скажу. Мужчина моей мечты. Рыжий красавец из лифта. 99-процентный гей.))) Я, правда, теперь уже не знаю, сколько он процентный гей, потому что ведь подошел. Типа подтанцевал. Прикинут был еще прекраснее, чем раньше: в очень дизайнерских джинсах и очень дизайнерском тонком синем свитере без горла. Да, я заметила все это, даже несмотря на пьянство, потому что у меня глаза на лоб вылезли при виде него, и я как-то сфокусировалась. Выглядел еще офигеннее – такой у него взгляд, у-у-у... Не имею слов: вроде и свысока, и одновременно любопытный.)) Чего-то сказал – что знает мое имя и что я новенькая. Я спросила, чего он-то тут делает, но ответ не расслышала.)) Он спросил, чего я больше хочу – танцевать или с ним покурить. Я выбрала покурить. Это было моей погибелью. Меня так замутило в процессе курения, что я поняла: пора домой. И он – он – он – вызвался меня подвезти! У него, мол, машина рядом.

Я как истинная дочь большого города только ткнула пальчиком в стакан с ром-колой в его руке и спросила, зеленея от тошноты: «После ЭТОГО?» Он снисходительно улыбнулся и сказал: «Тогда, значит, пешком погуляем».

Особо утонченной подставой с моей стороны является то, что провожать меня было надо ровно пять минут: я живу рядом с клубом, где мы буянили. Может, Рыжий рассчитывал на более долгую прогулку. Уж точно на более содержательную: всю короткую дорогу я только чего-то бормотала и пыхтела. Господи, прости, – я, кажется, сказала ему, что считаю его пидором!)))) Ох-ох-ох. Точно, сказала. Вот прямо сейчас из тумана забвения у меня выплыло его лицо с удивленно вздернутыми бровями. Черт. Черт. Черт.)))

Надеюсь, то, что я у подъезда вешалась ему на шею, мне только привиделось. Точно. Нет. Не знаю.))) Ужас, и знать не хочу. Пусть это будет моей эротической фантазией. Не больно эротично, конечно, но безопаснее для психики, чем сознавать, что и правда была такой пьяной дурой.)))

А уж то, что я в ночи видела его стоящим на другой стороне улицы, напротив моих окон (да, я вставала – часа в четыре: сон алкоголика крепок, но короткий.)) ... Это точно моя фантазия. Глюк-с.

И знаете, что самое кретинское в этой истории? Я не расслышала даже, как его зовут. Не, ну надо быть такой козой безмозглой?:)))))

Теперь, пока явись перед вами, друзья мои, я надену валенки и ватник и пойду «гулять». Долг зовет.:)))»

3 комментария:

Anutka6653:

«Йес, у него появилось прозвище – Рыжий. Прозвище – значит, уже место в нашей жизни. Су-у-упер. Не, я не думаю, что он гей. Чего ему иначе тебя провожать?.:))))))»

РороваIra:

«Ха-ха, про „гулять“ – зачетно!:)» Жалко, что напилась, – можно было больше узнать про, гы, Рыжего.))»

GreatLove2011:

«Ладно, хорошо хоть меня не стошнило на его прекрасный синий свитер))) Анютка, я сама не знаю, что думать. С одной стороны, и правда, – чего бы ему подходить и завязывать беседу? С другой – ну не чувствуется в нем... огня.))) Он такой вежливо-отстраненный. И вообще теперь считает меня дурой, так что все пропало. Кошмар-кошмар.)))

А «погуляли» мы с Максом отлично, кстати.))».

Глава 4

Я сижу в своем кабинете, не зажигая свет, – комнату освещает только голубоватое мерцание включенного монитора. Уставилась в компьютер, но ничего, по сути, перед собой не вижу. Мы сдаем (срочно, как всегда, почему-то в жизни журналов ничего расслабленно не бывает) февральский номер, в нем, как положено даже в мужских изданиях, должно быть что-нибудь о любви. День влюбленных, как-никак. Передо мной открытый макет с текстом одного известного и крайне немолодого писателя о природе и важности мужской верности. Особенную пикантность его рассуждениям придает то, что он только полгода назад бросил четвертую жену, с ребенком лет шести, и женился на пятой. Ей едва исполнилось девятнадцать, она смотрит ему в рот и считает едва ли не божеством, бедная дурочка. И это нас называют вампирами, при наличии в мире таких-то упырей!

Мое раздражение на мужчин и нежелание вникать в велеречивые рассуждения одного из них (подумать только, мы платим этому напыщенному типу полторы тысячи долларов за колонку!) понятно. Мужчины вокруг меня ведут себя странно, ставят меня в тупик, и кажется, чуточку помешались. А я не могу понять: это я такая непонятливая и ревнивая? Или я самая умная, и только мне видно, как нелепы они?

Судите сами. На протяжении последних недель я имела удовольствие наблюдать, как Влад бросает долгие задумчивые взгляды на свою бывшую девушку, которую приволок к нам работать. Я не хочу даже сейчас вдаваться в вопрос о том, что за чувства она у него вызывает, – ностальгию, голод или некую смесь, эдакое подобие кулинарно-эротического приворота. Мне все равно. Смотрит – и смотрит, думает там про себя чего-то – и пусть. Я поклацала немножко зубами, про себя, а потом решила, что выше подобных вещей. В конце концов, я его хорошо знаю, и доверяю ему. Не может за его интересом крыться ничего серьезного. Просто болезнь роста, естественная для вампира, которому всего-то два года. Удивительно, что таких историй, с фиксацией на сексуально-привлекательных смертных, с ним не происходит больше и чаще. Он так хорошо справляется со своим новым состоянием, что нам, старшим, всем кажется, что он гораздо взрослее, чем на самом деле. Потерзается – и забудет. Со всеми бывало.

Конечно, черт возьми, мне обидно! Но это хотя бы... понятно.

Люба красивая девушка, с этим не поспоришь, пахнет вкусно, и у нее и правда привлекательный характер, жизнерадостный. Невольно позавидуешь и засмотришься.

Что мне непонятно, так это поведение Серхио.

На моего старинного друга всегда можно было рассчитывать: он скрытен, иногда раздражающе надменен, и себе на уме, но он рационален. Разумен. Временами я даже думала, что слишком рассудочен, – спонтанных эмоциональных реакций от него не дождешься. Если у него и есть страсти, он их очень хорошо скрывает под маской иронии. Но именно за счет его постоянно-ровного поведения мне всегда кажется: если он что-то предпринимает, то у него есть цель. Какая-то РАЗУМНАЯ цель.

Какую разумную цель может подразумевать его интерес к Любе, я даже представить себе не могу.

Нет, нельзя сказать, что он как-то очень заметно или настойчиво ею интересуется. Но то, что он подошел к ней на вечеринке, и – я это точно заметила – не просто подошел, а именно знакомиться, уже было странно. А то, что он на следующий день расспрашивал меня о ней, и вовсе беспрецедентно. Интерес Серхио к смертным всегда был и остается чисто потребительским: раньше он их ел, потом, когда времена стали суровее и нам пришлось умерить аппетиты, стал ограничиваться соблазнением. Это не очень мило, конечно, но вполне оправданно его природой. Он ведь хищник, и в чем-то его инстинкт охотника должен проявляться. Но Серхио никогда, никогда не стал бы охотиться на «рабочем месте», и на моем в том числе. Во-первых,

он слишком уважает меня и Гранта, чтобы гадить в нашем журнале и разрушать психику моих сотрудников. Во-вторых, это просто небезопасно, и мы никогда так не делаем. Нельзя блистать своим обаянием и странностями среди людей, у которых есть шанс видеть нас часто: при близком общении странности неизбежно становятся заметны, и что тогда делать со слишком осведомленными смертными? Убивать их всех некрасиво. Обращать – неосторожно: далеко не со всеми, кто нам мимолетно нравится, хочется потом непрерывно сталкиваться на протяжении вечной жизни. Это только я, идиотка несдержанная, позволила себе совершить ошибку и увлечься Владом. И все знают, что из этого получилось.

Серхио никогда не позволил бы себе ничего подобного. Он слишком умен. Слишком осторожен. Слишком холоден, в конце концов: недаром его настоящая испанская фамилия, Эскалофριο, переводится как «холодный», и недаром он взял себе русскую фамилию «Холодов». Псевдонимы тем и красноречивы, что отражают что-то внутри нас. Следовательно, Серхио не имеет планов ни съезжать, ни соблазнить Любу Быстрову. Откуда тогда интерес?

А интерес есть. И косвенное подтверждение тому – реакция Влада. Надо было видеть, как они... почти шипели друг на друга, когда встретились на следующий вечер после корпоратива: мы с Серхио планировали поохотиться на бродячих псов, и Влад пошел с нами. Есть собак он не может, но от охоты ему веселей – хоть какой-то выход энергии. Обычно наши вылазки проходят приятно, но не в этот раз. Между моим возлюбленным и моим лучшим другом изначально почувствовалось напряжение. Они тихонько огрызались друг на друга всю охоту. Потом, когда мы пошли домой, на Покровку, чтобы тихонько посидеть и выпить, как у нас принято, стало только хуже.

В конце концов это цапанье так меня достало, что я оставила мужчин вдвоем на террасе с их вонючими сигаретами, а сама пошла в комнату. Сев за компьютер и взяв наушники, я не стала, тем не менее, включать музыку слишком громко. Мне хотелось хоть попытаться узнать, о чем они будут разговаривать вдвоем.

Они разговаривали о Любе.

Влад язвительно интересовался, зачем Серхио понадобилось к ней подходить.

Серхио вежливо сообщил, что Влада это совершенно не касается.

И пошло-поехало. Влад утверждал, что интерес испанца к нашему продюсеру ему категорически не нравится. Серхио парировал: у самого Влада совесть в этом отношении тоже не чиста. Влад спросил, что тот имеет в виду. Серхио ответил, что не хотел бы, чтобы девушка подвергалась опасности. Влад рявкнул, что Серхио ему не отец и, в отличие от Этьена, за ним, Владом, присматривать все время не нужно. Серхио возразил, что он ему если и не отец, то все равно старший родственник, и может о многом судить по предыдущему опыту.

Закончили они сакраментальной фразой: «Держись от нее подальше!» Оба.

Все-таки мужчины удивительные дураки. И все равно, сколько им лет, пятьсот или тридцать, они ведут себя все время, как капризные дети.

Надо отдать должное Серхио и Владу, они сумели взять себя в руки, прекратили ссору – возможно, испанец предположил, что я могу их слышать. В общем, они унялись, вернулись в гостиную, я сделала безмятежное лицо, и остаток вечера прошел нормально. Только накурили они в квартире страшно, но это уже стало традицией.

Ну а сегодня Влад ходил по офису мрачнее тучи. А Люба, которая работала весь день в Архангельском, с той съемкой камерного квартета, которая у нас отменилась на прошлой неделе, вернулась к вечеру в офис с несколько мечтательным и обескураженным выражением на лице. Влад расспрашивал ее о съемке с ненужным пристрастием, и только в середине разговора я поняла, почему. На съемке был Серхио.

Сереза, как она его называет.

Странно слышать, как она произносит его имя. Так... осторожно, словно бы чуточку неуверенно. Как будто это не имя, а какой-то хрупкий предмет, который можно разбить, или переполненная чаша, которую опасно расплескать.

Что он ей там наговорил? Что она о нем думает?

О чем ОН думает?!

Черт бы побрал все эти статейки о мужской верности. Никому из них нельзя верить. Любимый мужчина переживает кризис неясно чего: для переходного возраста вроде поздно, для среднего – рано. Лучший друг мутит непонятно чего, и главное – зачем.

Мне бы много что нужно сделать. Например, поговорить с Серхио по душам. Могу ли я рассчитывать, что он мне объяснит по-человечески, что задумал? Но для этого надо найти время и подгадать так, чтобы Влада не было рядом, во избежание возможных конфликтов. А я как-то совершенно не склонна сейчас оставлять Влада одного – даже ненадолго. Не потому, что не всерьез не доверяю ему. Боже упаси. Просто мне кажется, что время тактично уходить в сторону и давать ему шанс разобраться в себе прошло. Пора напомнить ему, что в жизни действительно важно.

Потому что я не верю, что он по-настоящему отдаляется от меня.

Или не хочу верить?

Но почему? Я ведь не глупа. Я умею делать выводы из очевидных фактов.

На моих глазах были опровергнуты многие легенды о нашем племени, о свойствах нашей природы. Говорили, что, если мы любим, нам невозможно противиться. Но мой создатель, Этьен, любил меня, а я его – нет. Говорили, что наши чувства, раз возникнув, неизменны: мы не можем разлюбить или изменить, поскольку мертвое не может меняться. Но Дракула, наш самый известный и легендарный брат, много лет просуществовавший полностью опустошенным после потери своей смертной возлюбленной, Минны, сумел полюбить снова – прелестную американскую вампиршу Катрин. То есть он изменился. Отошел от бессмертной любви и обрел другую.

Почему же я не хочу предположить, что и Влад может измениться? Что его чувство ко мне окажется... не вечным?

Наверное, потому, что это разобьет мое сердце.

Нет, не могу я напечатать эту нелепую статью о мужской верности. Надо будет позвонить знаменитому писателю, извиниться и просто выплатить гонорар.

Я закрываю файл, не читая. Какой смысл?

На душе у меня тяжело. И я не очень знаю, что с этим делать.

Теперь, просто сидя перед компьютером и глядя в пустой монитор, я выгляжу уже и совсем глупо. На глаза у меня наворачиваются слезы. Я не знала когда-то, что вампиры могут плакать, – научилась этому только благодаря Владу, из-за своей любви к нему и страха его потерять.

Неужели все в нашей истории было зря? Неужели я была права, думая, что его не может вечно привлекать смерть, – что рано или поздно он увлечется жизнью? Какая ирония... Я так надеялась, что он разлюбит меня, еще будучи жив, – что, даже если мы расстанемся, у него еще будет надежда и будущее. Но нет же – это случилось теперь, когда все стало бессмысленно, и он ничего не может дать этой веселой смертной. Как я ничего не могла, и не могу, дать ему.

Плакать, сидя в рабочем кабинете, как-то нелепо. Я смахиваю набежавшие слезы. Наверное, я должна бороться за него. Только я понятия не имею, как.

За окнами офиса синяя тьма зимнего вечера. И я совершенно не знаю, что с ним делать. Вечер не обещает мне ничего, чем имело бы смысл заняться.

Интересно, сильно я отличаюсь сейчас от смертных женщин, которые переживают разлад в отношениях? Что-то мне подсказывает, что не сильно. Вообще ничем.

Дверь кабинета приоткрывается, и из-за нее выглядывает Влад. На лице у него неожиданное для меня веселое и какое-то заговорщическое выражение.

– Марина? Ты занята?..

Я шмыгаю носом, безуспешно стараясь скрыть тот факт, что опять плакала. Истеричка.

– Нет, не особенно. Я только что решила не печатать эссе Еремеева о верности. Звучит неубедительно, с этими его вечными женитьбами.

– Ну и правильно. Без его неприятного лица наш журнал станет только краше. Слушай, если ты освободилась, то у меня возникла одна идея... – Влад останавливается, потому что замечает наконец в полумраке комнаты мое расстроенное лицо. – Ты плачешь, что ли? Что случилось?

У него сразу становится такой встревоженный, такой искренне огорченный за мои неведомые ему печали вид. Ну как я могу сказать ему правду – сказать, что смертельно боюсь потерять его, и не знаю, как удержать? Я покажусь ему невротичкой. И душой.

Мне остается просто помотать головой:

– Нет, ничего, ерунда.

– Точно? – Его брови сходятся к переносице. Он не любит, когда я расстроена. Переживает за меня.

Он такой красивый. Я так его люблю...

– Точно. Просто женские штучки.

Влад улыбается:

– Я думал, у вампиров не бывает женских штучек.

– Некоторые вещи не меняет даже смерть. – Я стараюсь шутить, но голос звучит как-то неубедительно, даже для моих ушей.

Он подходит к моему столу, садится на край и ласково проводит рукой по моей все еще влажной от слез щеке. В его глазах – глубокая нежность, к которой я так привыкла, что мне кажется немыслимым ее потерять. Удивительно: даже теперь, став холодным, как я, он умудряется изливать на меня тепло, как всегда делал, будучи человеком.

Его пальцы находят прядку моих волос, и он привычным, уютным жестом заправляет ее мне за ухо:

– Сколько раз я тебе говорил, что ты ЖИВАЯ? Биение сердца – это еще не все.

Я поднимаю на его глаза:

– Когда я с тобой, то верю в это. И правда чувствую себя живой.

– Значит, ты будешь жить вечно. Потому что я всегда буду с тобой. – Он очень серьезен, и мне так хочется верить, что он прав. Что знает себя достаточно, и уверен в себе достаточно, чтобы обещать мне вечность.

Наверное, верить ему – верить в него – единственный способ его удержать. Другого я не знаю.

Я стараюсь придать лицу веселое выражение:

– А что за идея у тебя была, когда ты вошел, а я тебя отвлекла своими нюнями?

Он широко ухмыляется, и в его голосе звенит мальчишеский задор:

– Отличная! И она все еще актуальна. Пойдем на каток – они наконец открылись.

Все-таки он у меня – чистое золото.

Через час мы уже в Парке культуры. Вечер буднего дня, народу не много, и мы свободно скользим по залитым льдом аллеям, углубляясь все дальше в сумрак уединенной части парка. Черные ветки расчерчивают синее небо над нами, в гладкой поверхности чистого льда мутно отражаются фонари. Влад оборачивается ко мне – в темноте его бледная кожа словно бы слегка светится, дикарские глаза блестят под черными, вразлет, бровями. Он хитро улыбается:

– Впереди никого нет. Айда на полной скорости?

Я киваю, и мы устремляемся вперед, не сдерживаясь, – со скоростью, доступной только нам, сверхъестественным, проклятым природой хищникам.

Мы бежим так быстро, что деревья по сторонам аллеи сливаются в одну неразличимую массу, и снежинки ударяют по холодной коже так резко, что даже мы чувствуем их морозные уколы.

Я много о чем жалею, многое хотела бы изменить – я никогда не желала Владу своей судьбы. Но есть моменты – вот как сейчас, – когда я счастлива, что мы во всем подобны друг другу. Есть особое наслаждение в знании: он испытывает сейчас ровно то же самое, что и я. Чувствует все совершенно так же.

Мы бежим так быстро, что даже вампирская реакция не помогает нам, когда на пути встречается особенно резкий поворот. Не рассчитав сил, по инерции мы вылетаем за пределы дорожки и падаем в сугроб, хохоча, как дети.

Мы лежим на спинах, взявшись за руки и глядя в широкое, бездонное небо. В эту секунду я не различаю ни жизни, ни смерти. Я ощущаю только безмерное, ничем не омраченное счастье – ощущаю его физически, в каждой клеточке своего тела.

Чуть повернув голову, я смотрю на Влада. Его глаза закрыты, а в уголках губ прячется улыбка.

Не открывая век, он чуть крепче сжимает мою руку и говорит:

– Я люблю тебя.

И я знаю: это правда.

15 декабря 20XX, «Живой журнал»

GreatLove2011 написал (а):

«Перед тем как сесть писать этот пост, я долго собиралась с мыслями. Прежде всего, думала – писать ли вообще. Есть такие вещи, о которых вроде просто так болтать не будешь. Но потом поняла: если не напишу, каша в голове как была, так и останется. А я занятая женщина, мне нельзя жить с кашей вместо мозга.)) Так что напишу. Только вот, может статься, закрою пост. Сейчас напишу – и подумаю еще. Вот в процессе письма и подумаю. Полезное занятие, писать. И думать.

Предмет моих размышлений – съемка, которая была у меня три дня назад. Там все было непросто: много человек снимали, на выезде, сложная работа, особенно среди зимы. Там должны были быть музыканты (модели наши), визажистка, отряд с костюмами, фотограф с ассистентом... Ну все как обычно. Но кроме того, там должен еще был быть журналист, готовящий статью, для которой мы снимаем. И он же одновременно один из продюсеров какого-то там музыкального фестиваля, ИЗ-ЗА которого мы снимаем. Не важно. Вернее, важно, но не очень. Короче, должен был быть значительный дядька, которого я ни разу в жизни не видела, только по телефону разговаривала. В неприятных обстоятельствах, когда объясняла ему, что съемка переносится (она срывалась уже один раз, так что состояние было особенно нервное).

Короче, приезжаю на съемку. Был кто-нибудь в Архангельском в декабре? Страннейшее впечатление. Одновременно красиво, так все графично-мрачно, с белым снегом, черными деревьями, дворцами под низким небом (вообще-то, дворец один, остальное – санаторные корпуса 1930-х годов, но они чуть ли не красивее, чем старинное здание). Красиво, но как-то... похоронно: статуи в ящики спрятаны, и во всем такое трагическое запустение. И есть ощущение, что вокруг нечто... большее, чем мы, топчущие этот суровый снег суетливые мухи с электрокабелями. (Да, я и такая бываю – романтическая и возвышенная, знаете ли!))).

И вот в этой декоративной обстановке – представьте себе: мечусь я, как угорелая, между трансформаторами, микроавтобусом с одеждой и едой, роняю термосы и мечтаю о том, чтобы мобильный прирос к моему уху и не нужно было пользоваться руками, чтобы его там удерживать.))) Надо на самом деле купить hands free, но меня пугает перспектива выглядеть психичкой, когда я буду бегать по улицам и беседовать сама с собой, смешно размахивая руками.)) Все, слава богу, приехали, кроме важного журналиста, но его присутствие при постановке света и не требуется. Бегаю я, бегаю по заснеженному газону, вся в мыле. И в какой-то момент поднимаю глаза вверх, на террасу дворца. Там такая белая балюстрада, а за ней силуэт дома с ротондой (это такая башенка круглая, если кто не знает) и гробы, в которых статуи спрятаны на зиму. И между этими фанерными гробами стоит мужчина. В черном расстегнутом пальто и белой рубашке. Смотрит вдаль. Выглядит, как персонаж романтического триллера: «И тут перед ней возник таинственный темноволосый незнакомец».

Только он был рыжий. И не незнакомец. Это был Он. Мужик из лифта. Безымянная жертва моего корпоративного дебоша.

Я не успела даже подумать – чего это он тут делает? Он просто оказался рядом со мной, внизу, как-то в одно мгновение спустился. И сказал, склонив эдак набок голову, задумчиво, приподняв одну бровь и чуточку улыбаясь:

– Ну вот мы с вами, Люба, и встретились по-настоящему. Вы, как мне кажется, мое имя прошлый раз не расслышали. Сергей Холодов.

Наш важный музыкальный журналист. Мой красавец из лифта. Одно и то же лицо.

Какой-то неправдоподобной, идиотической красоты лицо.

В это лицо я ему и проямлила:

– Я же вам звонила!

– Звонили, – кивнул он. – Но вы не знали, кому звоните. А это не считается.

И тут меня посетило странное чувство. С одной стороны – красота-то какая, мужчина моей мечты вот так передо мной очутился, и я для разнообразия не нелепо вваливаюсь в лифт и не шатаюсь пьяная у его локтя, а вовсе даже выступаю во всей красе собранности и профессионализма. И не просто со мной все нормально, но и он **ЯВНО** кокетничает: взглядывает так выразительно и намекает, что понимает – мне не все равно. Но вот в этом-то и загвоздка, и источник смешанности чувств. То, что он так априорно предполагает, что я его помню, мне есть до него дело и важно его наконец опознать... Все это вызвало сильнейшее желание дать ему в морду. Не, ну какой наглец! «Встретились по-настоящему!» Бррр! С чего он взял, что я вообще его помню?

Меня такое зло взяло. На то, что он так в себе уверен и так нагло дает это понять. И на то, что он при этом ПРАВ: я же правда его помню! (((Короче, бить его в морду я не стала – непрофессионально как-то и слишком похоже на стандартный дамский роман. Но и соблазнительно улыбаться тоже не стала. Да и какой вообще смысл соблазнительно улыбаться, будучи одетой в бесформенный пуховик и замотанной в шарф чуть ли не по глаза? В общем, я состроила ему козью морду и сообщила угрюмо:

– Вы опоздали на съемку, между прочим.

И удалилась по делам.

Хорошо иметь длинные волосы – под предлогом заправить прядь за ухо мне удалось как бы невзначай обернуться и насладиться зрелищем его обескураженного лица.

Потом он пожал плечами и пошел говорить с кем-то из наших музыкантов.

А я пошла проклинать себя последними словами и размышлять по ходу работы о том, что все мои встречи с этим типом – сплошь упущенные шансы и моменты, когда «все пошло не так и не туда».

С работой все было хорошо, слава богу. На этот раз ничего не сорвалось. Нам надо было сделать две серии кадров. Одну на газоне перед домом – эту сначала снимали, пока хоть какой-то свет был. Господи, когда этот камерный квартет мотал свои бесценные скрипки Гварнери по снегу, у меня чуть инфаркта не случилось. Жуть! А они спокойные такие, только ржали и перешучивались с СЕРГЕЕМ. Потом, когда свет стал уходить, мы перебрались в театр. Там есть в лесу старый театр, который себе князь Юсупов построил для крепостной труппы. Его недавно восстановили. И там, на сцене и в зале, где все равно свет искусственный, мы делали вторую серию кадров. Все хорошо, только долго ужасно. Я весь день на ногах, и спина устала, даже заболела...

В конце дня, когда уже всю аппаратуру собрали и все уехали, я задержалась. Я на своей машине утром приехала, мне торопиться было не надо. Ну я и зависла ненадолго в пустом театре. Все равно мне надо было проверить, не сломали ли мы чего, все закрыть и сдать ключи зрителям: какая-то пухлая тетечка из их числа сначала все за нами бегала, следила, но потом утомилась и ушла в главный корпус пить чай.))) Но перед тем как заняться делом, я села там, на пустой сцене, на какую-то бархатную скамью. Передохнуть, и насладиться тишиной. Мне очень понравилось в этом театре. Он такой маленький, но в нем все как настоящее – ложи, колонны... Как будто в лилипутском мире оказалась. Или внутри «городка в табакерке».

И вот сидела я там, смотрела в полутемный зал, думала ни о чем и обо всем. А голос у меня за спиной вдруг говорит:

– Представляете, как тут все было в XVIII веке? На всех местах сидели люди, нарядные, в париках, все – и мужчины и женщины. Пахло пудрой, потом – тогда не часто мылись – и духами, которыми пот пытались забить. Мерцали свечи. Там, в центре, сидел старый князь – больной, уставший. Сидел и вспоминал, как бывал когда-то в лучших театрах Европы, и думал о том, как страшно сузился с годами его мир. Вы знаете, что Юсупов большую часть жизни про-

вел в Италии и не очень-то хотел возвращаться в Россию? Екатерина Великая его заставила – она умела быть убедительной. Он вернулся и состарился тут, на холоде, окруженный родственниками, которые не понимали его страсти к театру и не разделяли ее. И единственной отрадой старого печального князя был этот театр: декорации для него писал великий сценограф, которого он привез из Италии. Пьетро ди Готтардо Гонзага. Еще один южный пленник этой холодной страны... И эти люди сидели там, в зале, шептались, мечтали о вкусном ужине, о том, как потом им представится шанс удовлетворить свои плотские желания и страсти. Они не обращали внимания на сцену. А на сцене танцевали дети. Несчастные, до полусмерти загнанные бесконечными репетициями непонятных европейских танцев крепостные дети, обряженные в атлас и бархат, напудренные, нарумяненные и нелепые. Даже князю не было до них особенного дела – он любил свои декорации больше трупы.

Я узнала голос, конечно, – это был Холодов.

Он вышел из тени кулис и встал рядом со мной, но на меня не смотрел. Его глаза были устремлены в зал.

– Вы так говорите, словно сами все это видели, – сказала я.

Мне и правда на миг показалось, что он откуда-то из прошлого явился, в своем сюртучного вида пальто, с лицом, которому место на каком-нибудь старинном портрете.

Он повернулся ко мне и секунду смотрел с каким-то непонятным выражением. Потом снова склонил голову набок и улыбнулся:

– Воображение, Люба, великая вещь. Оно позволяет увидеть все что угодно.

Я ухмыльнулась:

– Ну в вашей работе без воображения вообще никуда.

Он кивнул:

– Да и в жизни... В жизни тоже без воображения пропадешь. – Он сделал паузу и подошел ближе. – Люба, я хотел попросить прощения. Я как-то не так начал разговор с вами сегодня. Мне не хочется, чтобы вы считали меня самодовольным болваном.

В пронизательности тебе не откажешь, о самодовольный болван, подумала я. Но извинение меня порадовало.

Я неопределенно пожала плечами:

– Проехали. Ничего страшного.

– Точно? – Черт, вот откуда у человека может быть такой пристально-внимательный взгляд и такое выражение глаз, словно ему правда не все равно?..

– Точно.

Он улыбнулся – совсем не так, как раньше. Раньше он улыбался снисходительно, иронично. А теперь все его лицо словно осветилось, и в уголках глаз такие клевые морщинки собрались.

– Я рад. Давайте будем друзьями, а, Люба?

– Ну давайте. – Станный он какой-то, все-таки. Такой... церемонный, даже когда вроде бы ведет себя непринужденно. Повинуясь невнятному импульсу, я сказала: – При одном условии. Перестаньте называть меня на вы. Я себя чувствую ужасно старой и нудной. И в конце концов, вы меня пьяную по улице тащили, так что какое уж тут «вы»!

Он склонил голову, как какой-нибудь офицер в кино из старинной жизни:

– Принято. Но и ты тогда перестань говорить мне «вы». Ты не представляешь, каким старым себя при этом чувствую я.

Вот он сказал это, и я вдруг задумалась – а сколько ему вообще лет? У него такая вневременная физиономия, что ему легко может быть и двадцать, и сорок. Он словно... мерцает все время.

Но спрашивать я у него ничего такого не стала. Как-то на язык не легло.

– Принято, – повторила за ним я.

– Вот и славно. – Он еще некоторое время посверлил меня своим удивительным взглядом, а потом протянул руку: – Ну что, пойдём? Надо бы, наверное, покинуть сию обитель прошлого и вернуться в город.

Мне вообще-то не требуется посторонняя помощь, чтобы встать со скамейки. Но на его галантный жест не отреагировать было невозможно. Я взяла протянутую руку – красивую очень, кстати, с длинными такими пальцами, – и едва не отдернула свою. Его рука была такой холодной – просто ледяной!

– Черт, Сережа, да ты замерз совсем! А у меня, как назло, весь кофе в термосе закончился!..

Интересно, когда я успела его перевести в «Сережи»? Ну наверное, это логично: если я «Люба», и мы на «ты», то значит он – Сережа.

Он с досадой посмотрел на свою руку и пробормотал:

– Не стоит беспокоиться. Я почти не пью кофе, да и не замерз ничуть. У меня всегда холодные руки. – Он поднял на меня встревоженный взгляд: – Прости, что напугал.

Странный выбор слова – испугом мою реакцию назвать трудно.

– Глупости. Ничем ты меня не напугал. Я же не думаю, что ты сейчас тут упадешь и умрешь от холода, как птица в полете. Надо просто быстрее до машины добраться и обогреватель включить.

Мы вышли из театра, не забыв – о чудо – погасить свет и все запереть. Когда добрались до моей машины, я увидела рядом еще одну – его, я так думаю. В ответ на мой вопросительный взгляд он криво улыбнулся:

– Ну да, подвезти друг друга нам не удастся. Придется ехать порознь.

За этот смелый вывод – что мне прямо очень хочется с ним ехать в одной машине – мне снова захотелось дать ему в морду. Но я не успела. Потому что он бросил на меня какой-то неуверенный, словно оценивающий взгляд – причем мне показалось, что оценивает он не меня, а какие-то внешние обстоятельства, – а потом сказал торопливо:

– Кофе я не пью. Но более крепкие напитки – случается. Может быть, выпьем по коктейлю, когда доберемся до города?

И тут уже пришла моя очередь оценивать внешние обстоятельства. И вывод, увы, оказался не в пользу веселого вечера в обществе рыжего красавца.

– Ох, нет. Я не могу. Мне надо еще в офис заехать, рассказать боссам, как все прошло. Влад почему-то из-за сегодняшней съемки очень парится, надо его успокоить. А потом мне надо домой – няню отпустить. У меня сегодня бабушка выходная, в театр ушла, с сыном няня сидит. А она тоже человек, ей тоже домой хочется.

Лицо у него стало опять обескураженное – словно он никогда прежде о таких жизненных обстоятельствах не задумывался и даже не слышал.

– А... Ну да, я понимаю.

Не уверена, понял ли он на самом деле. Но с молодыми, не обремененными никакими сложностями мужчинами такое бывает. Если бы он такое реально понимал, пришлось бы поставить на нем жирный крест, потому что, значит, он и правда гей.))

Короче, я села в свою машину, а он остался там стоять, на сверкающем в свете фонарей снегу. И опять выглядел, на фоне древнего парка, так, словно в этом старинном антураже ему – самое место.

Я уже почти тронулась, как он, вдруг сорвавшись с места, оказался возле моего окна. Я опустила стекло, и его красивое – ох, какое красивое! – и сосредоточенно-серьезное лицо вдруг оказалось совсем близко к моему. Каждую ресницу можно было рассмотреть, и снежинки: они лежали на его зачесанных назад волосах, не тая.

– Может быть, в другой раз? – Для столь банальной фразы голос у него был несколько непропорционально взволнованный.

– Да не вопрос. Только заранее позвони – мне нужно домашних предупредить, если я собираюсь задержаться.

И я уехала.

И с тех пор я думаю: что это было? С одной стороны, он явно проявлял внимание. С другой – столь же явно держал дистанцию. Дружить он хочет, ага! Или правда – именно дружить? И что мне тогда делать со своей головой, которая полна одновременно разумного скептицизма, без которого в нашем мире не прожить, и... и кретинских мыслей о его ресницах (темных, несмотря на рыжие волосы), и его губах, и холодных руках?..

Для сохранения здравого рассудка буду придерживаться мыслей о том, что он и сам холодный (вот уж фамилия у человека говорящая, Холодов!), и к тому же самодовольный болван, который слишком многое принимает, как само собой разумеющееся. И вообще, уже три дня прошло, а он больше не проявлялся. Ну и фиг с ним. Флаг ему в руки и барабан на шею.)))

О господи, я прочитала это все и поняла две вещи. Во-первых, я чокнутая графоманка – надо же было столько накатать! Во-вторых, показывать этот романтический бред людям нельзя. Так что сорри, други: этот пост будет закрыт, до тех пор пока я не приду в себя и не смогу расставить по нему смайлики в самых возвышенных местах, в качестве разумной иронии над собой.

Все. Мысли изложены, выводы сделаны. Все свободны, всем спокойной ночи.:)))»

Пост закрыт для чтения и комментирования. Чтобы прочитать пост, надо попросить разрешения у GreatLove2011.

Глава 5

Одна из невыразимых странностей существования вампира в современной реальности – необходимость иметь страничку на Facebook.

Конечно, мне самому это средство постоянного оповещения внешнего мира о своих настроениях, ощущениях и передачи бесценной информации о том, что я съел на завтрак, вообще не нужно. Особенно про завтрак мне нечего сказать – ну ничего такого, что люди готовы были бы услышать. Но не иметь профиля в «Мордокниге» – все равно что расписаться в ненормальности и инакости. Все нормальные люди имеют страничку в социальной сети. И обязаны что-то на ней писать. Я выхожу из положения, выкладывая там анонсы наших съемок и вдохновляющие меня как дизайнера впечатления о вопросах общей культуры, типа просмотренных фильмов. Хоть какая-то польза: и страница не пустует, и журналу реклама. Так что профиль у меня жалкий и нудный, но все-таки есть, и в глазах мира я не фрик.

У Марины, понятное дело, отношение к фейсбуку такое же – как к обязательке. И она тоже туда постит в основном по журнальным делам. Хотя, правда, я ее однажды застукал за многочасовым зависанием в какой-то онлайн-игре типа «Таинственный дом». Потому что, мол, «было очень забавно». И эта женщина еще осмеливается лопотать при мне о том, что она типа живой мертвец! Да она определенно живет всех живых. Нам обоим наши профили до такой степени постылы, что мы иногда следим за ними по очереди: сегодня я пишу на обеих наших страничках, и на ее и на своей, завтра это будет ее повинностью. Пароли у нас одинаковые – в видовом равенстве, которого мы достигли благодаря моему обращению, есть то преимущество, что всем секретам пришел конец.

Сегодня, как уже было сказано, профили проверяю я. Выступая в роли себя, я сообщаю человечеству, что работа компьютерщиков в фильме «Высоцкий. Спасибо, что живой» оставляет желать много лучшего: главгерой вышел совершенно резиновый и НЕ живой, а это для сюжета про жажду гения к жизни категорически неправильно. И вообще, рассуждаю я в рамках отведенного мне места, неправильно это, великого человека на компьютере рисовать. Внешнее сходство – не главное; великого человека должен играть великий актер, пусть и совершенно другой внешности.

Перевоплощаясь в Марину, я оставляю обществу настроенческое сообщение о том, что сегодня наш издательский дом устраивает новогоднюю елку для детей сотрудников и «всех наших друзей» и что, мол, меня это необыкновенно радует и бодрит, потому что я большой любитель таких праздников. То есть Марина любительница, ну вы меня поняли. Елка грандиозная, происходит на Новой сцене Большого театра, и я «жду не дожусь».

Написав эту пошлятину, я берусь за разбор поступивших запросов на добавление в друзья и сообщений. К Марине стучатся гораздо больше, чем ко мне, – естественно, у нее куда более публичная позиция, всем от нее чего-то надо. Обычно мы принимаем в друзья всех, кроме откровенных спамеров из серии «Распродажа модной обуви», потому что наша цель не друзей найти, а иметь аудиторию побольше для журнальных новостей. Но сегодня одно из обращений заставляет меня приостановить автоматическое кликанье мышью и вчитаться.

Запрос в друзья (к Марине) сопровождается сообщением в личную почту. На аватарке написавшей девушки – Маринина фотография. В сообщении задан вопрос, на английском: «I think we've met. In Paris, right?»

«По-моему, мы встречались. В Париже, верно?»

В обычной ситуации я бы сказал, что какая-то маньячка-поклонница старается к Марине подобраться. Но я видел лицо английской девушки по имени Энни Кроули, которая странным образом приходится Марине какой-то дальней прапраправнучкой. Она ее потомок – происходит от детей, которые когда-то у моей возлюбленной были и которых в 1812-м, обращая ее

и убивая их отца, пощадил Этьен Дюпре – Гийом Д’Этьен, вампирское «дитя» Серхио и мой создатель. Ныне покойный – он погиб в борьбе с другим агрессивно настроенным вампиром, защищая от него Марину. Погиб в Париже. В присутствии своей смертной заложницы – той самой Энни Кроули.

Удивительная особенность этой девушки заключается в том, что она невероятно похожа на Марину – почти как двойник. Такая вот причуда генетики.

Так что Маринино лицо на аватаре стучащейся в друзья девицы по имени AnnieC – не выходка поклонницы. По всем законам вероятности, это собственная фотография Энни. И она права – они действительно встречались в Париже.

Вот только тут есть одна загвоздка. Энни, опыт общения которой с вампирами позитивным назвать никак нельзя (ее саму чуть не загрызли, и у нее на глазах «много наших полегло»), вообще-то, была подвергнута гипнозу, чтобы все эти гадости из ее памяти стереть. Процедуру проводил лично наш легендарный родственник граф Дракула. Он, в отличие от других вампиров, реально владеет гипнозом – про всех остальных это, увы, сказки. Но только вот выходит, что его методика не безупречна: Энни либо изначально забыла не все, либо со временем что-то вспомнила. Не стоит винить графа – кто знает, насколько вообще гипноз долговечная штука? Два года прошло все-таки. И на всякий механизм подавления найдется обратная сила.

По спине моей пробегает холодок, и я автоматически тянусь за сигаретами. Хорошо все же быть ценным арт-директором, иметь отдельный кабинет и право курить на рабочем месте. Это несколько помогает в стрессовой ситуации. А нынешнюю иначе как стрессовой не назовешь.

Выпуская в воздух облако дыма, я откидываюсь на вертящемся стуле и устремляю взгляд на улыбающееся личико на аватарке. То, что это – копия любимого мной лица, мне совершенно не помогает.

Уфф. Положение весьма и весьма непростое. Конечно, может быть, что я обычный паникер. Девушка просто любит глянцево-журналы, каким-то боком увидела русское издание Alfa Male, посмотрела на фотографию главного редактора, поразились сходству и написала первую попавшуюся глупость. И интуитивно угадала, назвав правильное место своей предполагаемой встречи с известным человеком.

Но только мне почему-то кажется, что подобный невинный сценарий маловероятен. С какого перепуга английской девушке читать русский журнал? Куда правдоподобнее другое. Она что-то вспомнила о той чудовищной ночи в Париже. Похитивший ее вампир, Седрик, увез ведь ее во Францию на романтический уик-энд – повел на балет в Гранд-опера. На балет, поставленный при участии нашего Alfa Male. Может, у нее сохранились какие-то вещи с тех пор – билеты, программка, в которой мы были многократно упомянуты в качестве партнеров проекта, и даже, о боже, кажется, была фотография Марины над каким-то пафосным письмом о связи балета и моды. Я был в отключке в то время, когда Дракула заметал следы происшествия, и не знаю, насколько тщательно он и другие Старшие (наше вампирское начальство) уничтожили материальные следы путешествия Энни в Париж. А может, у нее были и другие источники для пробуждения воспоминаний. Фотка Седрика в телефоне, например. Или мейлы от него. Вряд ли о них кто-нибудь подумал – не представляю я как-то наших Старших взламывающими компьютер английской школьницы. То есть, конечно, эти типы и не на такое способны, но они ведь были уверены, что гипноз сработал.

В общем, вероятность того, что Энни наткнулась на что-то, заставившее ее задуматься, вспомнить и начать выяснять подробности, велика.

И тогда возникает животрепещущий вопрос. Как много она узнала? Что именно вспомнила? Помнит ли она просто лица, и решила найти одно из них в попытке узнать о том вечере больше? Или она «вспомнила все» – и кровь, и клыки, и прочие прелести?

И вообще – что ей нужно? ЗАЧЕМ она пытается выйти на связь с Мариной?

Все это как-то очень нехорошо. У нашего племени с людьми, которые неосторожно пытаются к нам подобраться и что-нибудь разузнать, разговор обычно короткий. Мы не берем их на службу, не держим при себе добровольными донорами крови. Мы их просто жрем. Потому что самое ценное, что есть у вампиров, – это тайна. Мы ее храним ценой жизни. Обычно – чужой жизни.

Марине стоило в свое время больших усилий примирить вампирское сообщество с тем фактом, что я, ее тогда еще смертный любовник, знаю тайну, и убедить сохранить мне жизнь. Думаю, ей это позволили-то ровно потому, что понимали: рано или поздно я все равно буду обращен и стану членом, так сказать, «кровавого братства». Наш приятель Лева Тихомиров, театральный художник и вампир, с трудом убедил начальство сквозь пальцы смотреть на свой роман с девушкой Аней, которая работает в нашем издательстве пиаром. Убедил только потому, что тщательно скрывает от нее свою природу. И это непреложный закон: хотим общаться со смертными – надо хранить тайну. Если тайна открылась, смертных надо убирать. Или делать себе подобными. Иначе и они, и мы слишком уязвимы.

Вот только для Марины что убрать, что обратить Энни – варианты одинаково неприемлемые. Она всем глотку порвет, чтобы защитить девушку.

Самое скверное во всей этой ситуации – полная неясность. Лучший способ разрешить сомнения – поехать в Лондон и проверить, что там девушка знает или помнит. Только есть опасность, что появление кого-то из нашей бледной братии только подхлестнет ее воспоминания, или укрепит знания.

М-да, та еще ситуевина, нечего сказать.

Есть, правда, еще один вариант разузнать об Энни побольше, не мозоля ей глаза. Она – современный подросток, вернее, не подросток уже, ей, наверное, лет двадцать, но это не меняет сути. Она продукт нашей реальности, и вся ее жизнь наверняка протекает в интернете. Значит, о ней что-то можно узнать в виртуальном мире. И начать можно с того же Facebook.

Оставляя покамест запрос на добавление в друзья без ответа (естественно!), я аккуратно выхожу из Маринино профиля и вхожу в систему под своим именем. Нахожу AnnieC среди миллионов людей, которые там болтаются. Критерий, сужающий поиск, – город Лондон. И тут тоже имеется с десяток разных Энни. Но только у одной на аватаре нужно мне лицо.

Я захожу в ее профиль: дурочка оставила его открытым, и любой желающий может видеть основную информацию и десяток девчачьих фотографий типа «а это мы с подружками в парке», которыми все эти юные создания заполняют эфир. Господи, только подумать, какая технически сложная и мощная штука интернет и какой фигней он забит!..

Фотографии мне мало о чем говорят – только о том, что у Энни есть три довольно уродливые подруги и что-то типа бойфренда по имени Скотт.

Список интересов и любимых фильмов и сериалов заставляет напрячься. «Сумерки», «Дневники вампира», «Настоящая кровь», «Дракула» Брэма Стокера, «Интервью с вампиром», «Баффи», «Ван Хельсинг»... Черт, черт, черт, черт.

Все это очень, очень нехорошо.

И еще хуже то, что мне практически не с кем посоветоваться. Сказать Марине? Немыслимо. Ну не прямо сейчас – она просто впадет в панику, а это никому из нас не нужно. Серхио? Ну да, я всегда прибегал к нему за помощью, как пионер к вожатому. Но у нас с ним в последнее время отношения не волшебные, мы постоянно тихо грыземся, и просить его об услуге мне нынче вообще не хочется.

Я могу доложить о происходящем Гранту Хэмилтону. Но он все-таки официально один из Старших, и я не хочу вводить его в курс ситуации, до тех пор пока не буду чуть точнее знать, в чем ситуация заключается.

Ладно, моя первоочередная задача – сделать так, чтобы Марина ни о чем не узнала. С этой мыслью я опять вхожу в систему под ее именем, удаляю письмо Энни из папки «Вхо-

дящие» и отказываю ей в дружбе. Теперь, даже если она пошлет запрос повторно, система не пропустит его – отметит как спам.

Эти меры позволят мне выиграть время. Придумать какой-то план действий.

Марина входит в мой кабинет ровно в ту секунду, когда я закрываю окно с запросами. Везет мне сегодня. И лицом своим я, видимо, владею неплохо, потому что она никакого волнения и стресса в моих дивных чертах не замечает.

Она уже надела свою белую норковую шубку и смотрит на меня вопросительно:

– Ты готов? Надо же пойти на нашу грандиозную елку, поприветствовать гостей.

Я недовольно кривлюсь:

– А мне обязательно туда идти? Меня там дети затопчут.

Она назидательно поднимает палец:

– Напоминаю – ты одно из самых быстрых и сильных существ на планете. Если станет совсем страшно, убежишь.

– Ну правда – это же женский праздник. Чего мне там делать?

– Меня развлекать. И отвлекать от грустных мыслей.

Это удар ниже пояса – я знаю, как Марина любит детей и как ей всегда печально смотреть на живых женщин, которые их могут с легкостью заводить. Я встаю из-за стола и молча натягиваю куртку, которую привычно повесил на спинку стула.

– Только ради тебя. Ты должна ценить жертвы, к которым меня вынуждаешь.

Она удовлетворенно хихикает и выходит из кабинета. Я следую за ней и, идучи по коридору к лифту, продолжаю размышлять над нашей непростой ситуацией.

Вообще-то я знаю, что могу сделать. В ту ночь в Париже Энни видела разных вампиров – Седрика, который ее, видимо, соблазнил. Он, кстати, был отчетливо похож на Хью Джекмана, – может ли быть, что ей поэтому нравится «Ван Хельсинг»? Этьена, который погиб у нее на глазах. Марину, которая так на нее похожа. Серхио, который благополучно разрешил ситуацию, прикончив Седрика.

Видела она и меня. Но я тогда вампиром не был. Я могу у нее со всей этой ситуацией напрямую не ассоциироваться. Значит, есть шанс – небольшой, но все же, – что моя физиономия ей ни о чем не скажет.

То есть в Лондон могу поехать я. Надо только придумать, как и почему мне сделать это без Марины, – мне, конечно, не хочется с ней расставаться, но в данном случае ее присутствие только создаст проблемы. Но это несложно, я что-нибудь придумаю. В конце концов, могу поехать после Нового года, в январе: Марина отправится в Милан и Париж на показы, а я быстренько смотаюсь в Лондон. Скажу, что съемку придумывать... Да мало ли что я еще могу сказать?

Это хоть какой-то план, и его наличие меня успокаивает. Нагоняю Марину у лифта я уже в гораздо более позитивном настроении. Ну схожу я на детскую елку, ничего страшного. Мы же там не весь день пробудем.

Вместе мы выходим на заметенный снегом двор издательства, прячущегося в глубине арки одного из домов по Петровке. У дверей стоит привычная чахлая елка, украшенная гирляндой с лампочками. Под ней сидит редакционный кот Вася. При нашем с Мариной приближении он гневно шипит, спрыгивает с насиженного места и удаляется в глубину двора, в направлении мусорного ящика, на котором какой-то остроумец написал: «Я – хипстер!» Правильно, животные не любят вампиров и стараются держаться от нас подальше. Чувствуют угрозу. Не то что глупые лондонские девчонки.

До театра нам идти всего-то пять минут, и мы движемся по покрытому льдом тротуару не спеша, наслаждаясь прогулкой. Московский декабрь – самое лучшее время года для нас: солнца почти не бывает, можно оставаться на улице сколько угодно.

Пересекая Театральную площадь, мы проходим под портиком открывшегося наконец Большого театра. Нелепое, конечно, здание, но все равно приятно, что оно «снова в строю». Всегда его любил, еще с детства. Эх, сентименты...

Женскую фигуру, взбирающуюся по ведущим к входу на Новую сцену ступенькам, я вижу издалека. Длинные ноги в джинсах и черных сапогах, коричневая куртка, волнистые светлые волосы выбиваются из-под вязаной шапки, и на них лежит снег. Рядом с девушкой по ступенькам степенно, не торопясь и с великим старанием отмеряя каждый шаг, идет ребенок в синем комбинезоне. Маленький мальчик. Видимо, ходьба, да еще по пересеченной местности, для него пока еще увлекательное приключение.

Я узнаю девушку, понимаю, что за мальчик с ней. Мое и без того очень медленно бьющееся сердце пропускает удар.

Это Люба Быстрова. И ее сын. Максим Иванович, как она его зовет.

Я замедляю шаг и собираю волю в кулак, чтобы продолжить движение и не дать Марине заметить мое секундное замешательство.

Марина никогда не говорит об этом вслух, но я знаю, о чем она думает. И она права, конечно, в своих невысказанных соображениях: все в моей психике нынче совсем не просто. Я действительно отношусь к Любе как-то странно – особенно, не так, как к другим смертным. Глядя на нее, я и действительно часто думаю о том, что могло бы быть и чего уже никогда не будет. Думаю о жизни, которая могла бы быть моей.

Ну что же – надо выйти вперед и решительно взглянуть в лицо доказательству этой чужой, не моей жизни. Но можно не торопиться – пусть сначала войдут в здание, снимут куртки. Любе будет приятно показать нам мальчишку нарядным. Она им очень гордится.

Хорошая, веселая, жизнерадостная и ничем не замороченная Люба.

Глядя на то, как она скрывается за дверью театра со своим малышом, я понимаю вдруг, почему еще мысль об отъезде в Лондон вызывает во мне какой-то глухой внутренний протест. Дело не только в том, что я не хочу ни разлучаться с Мариной, ни скрывать от нее что-либо. Это мне все равно пока придется делать, для ее же пользы.

Дело в том, что я не хочу оставлять Любу в Москве без присмотра.

Не хочу оставлять ее одну в городе, где охотится Серхио.

Глава 6

С давних пор легенды о вампирах – страшилки, вернее, – полны упоминаний о том, что самыми желанными жертвами для нас являются дети. Конечно, по большей части источник этих жутких историй – попытка психологически преодолеть последствия младенческой смертности, которая так высока была в дремучем и немом прошлом человечества. Никто тогда не знал о «внезапной смерти», которая до сих пор часто настигает новорожденных. Конечно, обнаружив еще вчера вполне здорового малыша мертвым в колыбели, обезумевшие от горя родители придумывали сказку о демоне, который подкрался к бедному ребенку под покровом ночи. Но, увы, кое-какие основания для распространенной байки есть. Вампирам и в самом деле больше всего нравится чистая кровь – без примесей неправильных продуктов, табака и алкоголя. А у кого кровь чище, чем у ребенка? Я никогда не пробовала такой сама – боже упаси: я стала вампиром, будучи матерью, для меня сама идея обнажить зубы на ребенка всегда была немыслима. Но я знала монстров, делавших это. Они говорили, прибегая к полузабытым человеческим сравнениям, что разница – как между старой говядиной и молочной телятиной.

Мерзость, даже думать об этом не хочу.

Но, признаться, мысль о том, разумно ли я поступаю, волоча Влада на детский утренник, мне в голову приходила. Я отгоняла ее, как слишком чудовищную. Недостойную меня и его: его выдержка не знает себе равных в семье, я не имею права даже предполагать, что он может сорваться в такой неподходящей ситуации. Не имею – но предполагала. И была готова принимать меры. У меня и страховка имелась в лице Гранта: обычно он на елках не присутствует, но в этот раз любезно согласился прийти.

В результате оказалось, что все мои страхи и сомнения беспочвенны. Влад, даже окруженный толпой орущих детей, сохранял завидное хладнокровие. Собственно, его спокойствие было удивительным и для мужчины вообще, не только для вампира. Не многие представители его пола так флегматично реагировали бы на бедлам, который может устроить в ходе праздника сотня маленьких детей. Вид у моего возлюбленного, конечно, был не радостный, улыбка казалась напряженной, но это, повторяюсь, никак с проблемами крови не связано. Глядя на клоуна в костюме осьминога, пускающего пузыри в толпу наряженных феями и человеками-пауками сорванцов, любой бы напрягся.

Мне, конечно, мероприятие доставляло некоторое болезненное удовольствие. Я искренне люблю детей, всегда любила, и их бешеные игры кажутся мне вполне естественным делом. И, конечно, мне было нелегко смотреть на резвящихся малышей, сознавая при этом, что для меня они теперь навсегда только образ чужого счастья. Мне было неловко беседовать с гордыми мамами и ловить на себе их вопросительные взгляды. Все в издательстве знают, что мы с Владом живем вместе, и давно – больше двух лет. Наверное, вопрос о том, почему мы, такие молодые и вполне обеспеченные материально, не завели еще ребенка, у окружающих возникает. Временами мне казалось, что я видела его, этот вопрос, в глазах собеседниц.

Хотя, возможно, у меня обычная паранойя, и никому вокруг наши с Владом семейные планы не интересны. Скорее всего, так.

Видела я и еще кое-что, глубоко меня ранившее. И тут уж ни на какую паранойю не сошлешься: это точно было.

Я видела, какими глазами Влад смотрел на Любу Быстрову и ее мальчика. Прелестный, кстати, малыш – крепкий, в меру щекастый, с яркими серыми глазами и смешным вихром на макушке. Он совсем маленький, ему едва ли два года, но вел он себя, не в пример многим старшим детям, просто отлично. Не плакал, не смущался, не орал благим матом и вообще радовал свою мать хорошим настроением. Смотреть на него и терпеливо возящуюся с ним Любу было сплошным удовольствием.

Но не для Влада.

Я давно, давно не видела в его глазах такой боли. Такой... тоски.

Ему не было нужды объяснять, в чем дело. А мне не нужно было спрашивать. В тот час, что мы провели среди детско-материнской толпы, глядя на девушку, с которой он когда-то имел шанс построить нормальную человеческую жизнь, он вполне прочувствовал наконец всю глубину произошедших с ним перемен – всю тяжесть потери. Я знала, что так будет, когда пыталась отговорить от обращения. Пыталась объяснить. Но Влад, конечно, меня в то время не слушал – отмахивался от моих аргументов, как от чего-то несущественного.

Теперь он знает. А я даже не могу подойти к нему, сжать руку и сказать, что все-все понимаю. Потому что из моих уст это прозвучит как «я же тебя предупреждала».

Или у меня и по этому поводу тоже паранойя?

В какой-то момент зрелище всеобщего счастья (а также, я думаю, бесконечный гвалт) его достает. Он бросает мне поверх толпы красноречивый взгляд, строит шутливо-страдальческую гримасу – в какой мере она шутлива, лучше не задумываться, – и, на ходу доставая из кармана сигареты, движется к выходу. Я задерживаюсь еще на пару минут. Как раз начинается представление, детей рассадили на стулья, и под записанный на магнитофон вальс из «Щелкунчика» на середину фойе вытанцовывают четыре жалкие «Снежинки» – артистки кордебалета Большого, подзарабатывающие на корпоративном утреннике. Родители и няни отходят назад, пользуясь передышкой и возможностью чуть-чуть поболтать и перекусить: в дальнем от «сцены» конце фойе накрыты столы.

Я медленно пробираюсь сквозь родительскую массу к дверям, перебрасываясь с кем-то словом-другим. У меня есть план – вежливо потолкаться чуть-чуть, а потом присоединиться к Владу на улице.

Люба Быстрова перехватывает меня на самом краю толпы. Она высокая девушка, и видит сына даже отсюда, через людские головы, и я с одобрением отмечаю, что, даже разговаривая со мной, она время от времени бросает взгляд в его сторону. С ним все в порядке – он спокойно сидит, увлеченный незамысловатым представлением. Хорошая, заботливая мать. Я была такой же в свое время.

Какого же черта она меня так раздражает?

Мне в самом деле нужно озвучивать ответ на этот вопрос, или хватит уже лгать самой себе?

Усилием воли я заставляю идиотскую ревность замолчать и обращаю к Любе дружелюбное – я надеюсь! – лицо:

– Ох, ты меня поймала – а я-то надеялась незаметно сбежать.

Люба понимающе улыбается – у нее длинное, скульптурно вылепленное лицо, которое в минуты раздражения кажется мне лошадиным. Но следует быть объективной: она, вообще говоря, красивая девушка, с яркими глазами и эффектной гривой русых волос. И совсем не глупая – говорит, по крайней мере, разумно:

– Как я вас понимаю. Мне еще недавно такие сборища казались адом на земле. Да и сейчас, честно говоря, иногда удивляюсь – как я дошла до жизни такой?

Она смягчает свои слова улыбкой, и я невольно проникаюсь к ней теплотой.

– Ну вряд ли ты жалеешь. У тебя такой парень замечательный.

На щеках девушки появляется смущенный румянец:

– Боже упаси, конечно нет. Максим Иванович – просто супер. Хотя все равно странно, как с появлением детей вся жизнь меняется... Странно, но мило, – помните, как в «Ноттинг-Хилле» сказано про абрикосы в меду? Ох, но я не ради этого вас ловила. Ну не чтобы о детских утренниках разговаривать. Я хотела на самом деле спасибо сказать. Вы бы видели наши елки на старой работе – жуть мохнатая. А тут все так шикарно. И это как-то лишний раз показывает... ну разницу в классе между издательствами. Я просто хотела, чтобы вы знали:

я очень ценю, что вы меня позвали к себе. С Владом работать для меня большое удовольствие, и журнал у вас – у нас – очень классный.

Если бы я могла краснеть, сейчас было бы самое время. Люба и правда хорошая девушка. С моей стороны думать о ней гадости – просто свинство.

– Да господь с тобой, Люба. Это я должна тебя благодарить, за то что ты к нам перешла, да еще так оперативно. Поверь, мы были в порядочной заднице, пока ты нас не выручила. Я очень надеюсь, что тебе у нас и дальше будет хорошо. И, кстати, – перестань звать меня на «вы». Я себя чувствую нудной старухой.

На лице у Любы мелькает странное выражение – затаенная улыбка, будто мои слова ей напомнили что-то приятное. Она кивает:

– Заметано. Будем на «ты». Нет, я правда рада – и надеюсь, что впишусь в ваш блистательный коллектив. Ты же знаешь, что про нашу контору говорят в городе? Что у нас тут гламурный фашизм, на работу не берут никого с размером больше итальянского сорок шестого и вообще – помимо профессионализма тут еще нужно нечто неуловимое, что якобы выражается просто проникновенной гримасой и фразой «это – наш человек». Ну или «не наш», соответственно.

Я, конечно, слышала нечто подобное, но никогда еще никто мне в лицо это так неприужденно не высказывал.

– Ерунда все это. У нас масса сотрудников больше сорок шестого размера!..

Я сама понимаю, как нелепо это прозвучало, и мы обе с Любой начинаем смеяться. Когда она смеется, у нее забавно морщится нос, и она смеется вся, целиком – глаза у нее тоже загораются, что невероятно подкупает. Располагает к себе.

Господи, если так пойдет, мне придется признать, что она очаровательна.

Подавив смех, я пытаюсь ответить серьезно:

– Нет, ну в самом деле – это правда ерунда. Мы сугубо профессионально людей оцениваем. Вот хоть Гранта спроси.

Люба качает головой и говорит, все еще улыбаясь:

– Ну не скажи – профессионализм, конечно, великое дело, но у нас тут и правда имеется некий культ прекрасного тела. Посмотри – все, кого людям показывают, стройные, только в финансовом отделе и корректорской можно слегка расслабиться. А «лица» компании не только все голливудски хорошенькие, но даже как-то неуловимо друг на друга похожи.

Я настораживаюсь, хотя всеми силами стараюсь этого не показать:

– Что ты имеешь в виду?

Люба неопределенно машет рукой:

– Ну посмотрите на себя: вы, наши топ-менеджеры – как по шаблону отлитые, бледные и прекрасные. Грант вот – нет чтобы быть толстяком в очках. Не-а – высоченный красавец. И необычный: никогда не видела шотландца с темными глазами, вообще не думала, что такие бывают. Влад под него, что ли, косит, со своими линзами?

Она пожимает плечами, словно желая показать всю нелепость такого поведения. Мол, менять внешность «под начальство» – уже какое-то непропорциональное проявление корпоративной лояльности.

Мне хочется спросить, давно ли она заметила «линзы» Влада, – его глаза после обращения изменились, из серо-зеленых стали вишнево-красными, как у всех вампиров. Но я боюсь спрашивать – боюсь заострять внимание на мельком оброненной фразе, показывая, как ее наблюдение на самом деле важно.

Мне остается только поддержать шутку – потому что она, конечно же, шутила.

– Думаю, чинопочитание тут ни при чем. Просто мы тут постепенно все сливаемся в одно целое. Как в крепких семьях: муж и жена с годами становятся похожими друг на друга.

Она прыскает со смеху:

– Ага, и еще на домашних животных! Ты замечала, как собаки часто на хозяев похожи? Я киваю и тоже смеюсь.

Мы расстаемся, довольные друг другом.

На улице Влад встречает меня удивленным взглядом:

– Ты чего там так долго? Увлелась представлением о том, как Госпожа Вьюга хотела украсть у ребят новогодний праздник?

Я беру его под руку:

– Ну да, такое зрелище может захватить целиком. Нет, я заболталась. С Любой.

Отдаю ему должное – он не сбивается с шага, и его рука, лежащая под моей рукой, не вздрагивает – даже чуть-чуть.

– О, отлично. Что вы с ней поболтали, я имею в виду. Мне все кажется, что ты с ней чуточку холодна, и совершенно зря. Она замечательная.

– Согласна. И я с ней больше не холодна – мы официально перешли на «ты». И даже пошутили на твой счет.

Влад вопросительно поднимает бровь:

– Это о чем же? «Девочки о бывшем-нынешнем»?

Я изображаю возмущение:

– Ну что ты! Приличные девушки такие вещи не обсуждают. Нет, речь шла о твоих глазах. Люба считает, что ты носишь темные линзы, потому что косишь под Гранта.

– Она и Гранта заметила, вот как?..

Влад прилагает определенные усилия, для того чтобы голос его звучал легкомысленно. Но я чувствую, что он встревожен, – так же, как и я. И не потому, что дело касается Любы, – в данном случае мне нет нужды ревновать. Он переживает не как мужчина, которого интересная женщина сочла в чем-то смешным. В нем говорит сейчас озабоченность вампира, тайна которого оказалась под угрозой раскрытия.

Конечно, о раскрытии тайны говорить еще рано – ничего такого страшного не произошло. Но первый звоночек, как говорится, прозвучал. Человек заметил в нас нечто странное – нечто общее и ненормальное. С этим, по всем канонам нашей жизни, нужно что-то делать. Обычно это «что-то» заканчивается плохо для излишне наблюдательного человека. Но в данном случае ни о каких радикальных мерах и речи быть не может. Люба – не просто человек. В силу ее особой роли в прошлом Влада она для нас неприкасаема, как был когда-то неприкасаем он сам. Никто в семье не тронет ее и пальцем, даже ради общей безопасности.

И это снова поднимает перед нами вопрос, который уже вставал, – собственно, когда речь шла, опять же, о Владе и его роли в моей жизни. Вопрос уязвимости. Смертное существо, которое нам безразлично, – рычаг давления на нас со стороны врагов. Близость к нам подвергает опасности Любу. И нас – через нее.

Способ разрешения ситуации только один. Дистанцироваться. Уйти в сторону. Не проявлять явного интереса. Не показывать, что смертный для нас важен.

Вот только способен ли на это Влад? Хватит ли у него выдержки, чтобы вот так сразу отстраниться от девушки, которая явно дорога ему?

Утешает одно: в этот раз, в отличие от нашей с ним истории, человек страдать не будет. Люба очевидно относится к Владу ровно и спокойно – она слишком занята своей жизнью, своим сыном. Ей не до запутавшегося в эмоциях вампира.

Значит, приносить жертвы придется только Владу.

Самое надежное средство разрешить все проблемы – не просто установить дистанцию в отношениях, а вообще уехать. Покинуть город. Исчезнуть. Начать новую жизнь, вдали от Москвы – в месте, где нас никто не знает и где всем наплевать, насколько одинаковые у нас глаза. Но у меня есть ощущение, что сделать это Владу будет куда тяжелее, чем просто оставить в покое Любу.

Он очень любит Москву. Ему нравится здесь, он не хочет уезжать. Не готов к этому. По крайней мере пока. Больше того, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что его уникальная выдержка – его сопротивление человеческой крови – во многом построена на стремлении оставаться в любимом городе. Он держит себя в руках, чтобы иметь возможность жить в привычной среде.

Если его лишить того, за что он борется, станет ли он бороться так отчаянно?

Мы молча неспешно бредем по центру – движемся в направлении дома. Погода чудесная – мягкий, но обильный снежок парализовал движение машине, и у него даже есть шанс полежать немножко красиво на мостовой, а не быть раскатанным в черную грязь. Арка Третьяковского проезда украшена золотыми гирляндами, в витринах ЦУМа новые «рождественские» композиции: манекены в самых модных на свете шмотках предаются каким-то декадентским праздничным утехам среди золотых клеток и искусственной зелени. На Лубянке, где мне до сих пор страшно недостает памятника Дзержинскому, – какой он был красивый и романтичный! – на разворот на Маросейку стоят и мигают красными задними огоньками несколько машин.

Влад оборачивается ко мне:

– По Покровке пойдем или дворами?

– Дворами. Мы давно возле Ивановского монастыря не гуляли.

– Крюк получается.

Я пожимаю плечами:

– Что нам крюк? Мы же не торопимся.

– И то верно.

Он улыбается, берет меня за руку, и мы идем вниз по бульвару, мимо часовни памяти героев Плевны в сторону памятника Кириллу и Мефодию. Очень скоро мы погружаемся в лабиринт переулков, которые уходят вниз от Маросейки в сторону реки, – поднимаемся по ним с таким расчетом, чтобы оказаться возле громады сказочно красивого Ивановского монастыря, необычной постройки, почти буквально повторяющей силуэт собора Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции.

Тут царит сумрак, и величественный купол темной массой выделяется на фоне синего зимнего неба.

– Я когда в институте учился, все время приходил сюда рисовать. – Голос Влада звучит мечтательно. – Все размышлял о том, как вырасту, выучусь, стану богатым и поеду в Италию – оригинал смотреть. – Он поворачивает ко мне грустное спокойное лицо: – Не уверен, что Италия нам теперь для жизни подойдет. Все-таки многовато солнечных дней, нет?

Я прикасаюсь пальцами к его щеке:

– Ничего, и в Италии наши живут. Есть солнце – значит, есть и тень.

Он кивает, признавая неизбежное:

– А в тени нам – самое место.

Мы смотрим друг на друга и молчим. Я вглядываюсь в его серьезное, скуластое, бесконечно любимое мною лицо. Его темные брови чуть нахмурены, в глазах мечутся тени, а губы сжаты – он принимает какое-то решение, и оно дается ему нелегко.

Наконец Влад произносит:

– Если будет действительно нужно, я уеду – без истерик и возражений. Я понимаю, как это важно, и обещаю: от меня не будет проблем. Но я хочу, чтобы и ты пообещала мне кое-что.

На секунду мне становится очень больно за него. Больно сознавать, что нам даже не пришлось обсуждать последствия и опасности того, что Люба заметила в нас нечто необычное. Больно сознавать, что Влад с такой же неумолимой логикой, как и я, понял: единственный способ решить проблему – отъезд. И я восхищаюсь тем, как спокойно он все воспринимает.

Я киваю, не боясь, что Влад попросит чего-то невозможного, – знаю, он слишком... благодетен, чтобы поймать меня в ловушку невыполнимого обещания.

– Обещай мне, что мы уедем, только если будет совершенно необходимо. Мы не станем торопиться. Не будем преувеличивать и уж тем более – придумывать проблемы, которых на самом деле нет. Мы будем осторожны, бдительны. Но спокойны. И будем доверять друг другу. Хорошо?

– Конечно.

Мне легко согласиться, потому что в его просьбе нет ничего экстраординарного. Это очень скромная, невинная даже просьба, и разумная. Я даже не понимаю, почему Влад обставил ее с такой помпой.

Как не понимаю и его следующей фразы:

– В конце концов в любом месте мира найдутся смертные, которых ставит под угрозу знакомство с нами.

Я не успеваю переспросить, что он имеет в виду, – настроение его резко меняется, на лице появляется задорная, мальчишеская улыбка, которой он в свое время так меня очаровал, и он, вынув руки из карманов, весело дергает меня за прядь волос.

– Все, это просто невозможно – смотреть на тебя, когда ты такая удушающе серьезная. Мы с тобой – унылые зануды, вот! И это надо немедленно исправить.

Сопротивляться Владу, когда он такой, просто невозможно. Мои губы сами собой растягиваются в ответной улыбке:

– Ну и что ты предлагаешь?

– Предлагаю нормальный общечеловеческий способ развеяться. Пойдем напьемся. Причем не дома, в тоске нашего логова, а в ресторане. С шиком, так сказать.

Я поворачиваю к нему руку с часами – так, чтобы был виден циферблат:

– Поздно уже. Дело к десяти вечера, где бы мы ни сели, скоро надо будет уходить.

У него очень хитрая физиономия:

– А вот и нет. «Кофемания» – та, что под нашими окнами, – работает круглосуточно. И там есть курящий зал. Пошли.

Все-то у него продумано.

Через пять минут, промчавшись с неосторожно высокой скоростью по переулкам и по Покровскому бульвару, мы входим в кафе. Держа меня за руку, Влад решительно направляется в курящую половину помещения, на ходу приветствуя бармена и официантов. Они тут нас знают и привыкли, что мы много пьем и мало заказываем.

Бармен, собственно, сразу выставляет на стойку два бокала красного вина, не дожидаясь наших распоряжений и не утруждая себя даже дежурным «Вам как обычно?»

Я обвожу взглядом комнату. Когда-то это кафе – «стекляшка» на пересечении Покровки и бульвара – было совсем другим. Оно было, собственно, кофейней. Но потом хозяева сменились, и место повысило статус. И цены, кстати. Интерьер поменяли – вместо стилизации под парижскую кафешку с венскими стульями появилось нечто более холодное и «современное», со светлой мебелью и дизайнерскими светильниками. На стенах вместо прежних росписей «под граффити» теперь висят металлические пластины с условно изображенными картами метро крупнейших столиц мира, от Лондона до Токио. Только Москвы почему-то нет. Мне нравится новый облик этого места, но чуточку недостает прежней кофейни. У меня с ней было связано много глупых и милых мыслей. Сначала, еще не сойдясь с Владом, я часто смотрела на парочки в этом кафе, мечтая вот так же запросто сидеть тут с любимым человеком. Потом, когда мы уже были вместе, мы стали и сами приходить сюда, осуществляя мою мечту. Он курил и пил кофе, я смотрела на него и радовалась. Мы и теперь вот приходим сюда. Это наше с Владом место, и оно дорого мне и настоящим, и воспоминаниями.

Приятно видеть, что парочки в кафе не переводятся и сейчас. Как ни трудно в Москве девушке найти себе нормального парня, многим это все-таки удается. Большинство столиков заняты именно парами.

Вот, например, у дальней стены сидят двое – разговаривают, сосредоточенно склонившись друг к другу. Лицо девушки скрыто волной светлых волос, молодой человек почти весь в тени, но мне и не нужно видеть их лица. Все говорят жесты: она положила руку на стол, на полпути к нему, словно намекая, что прикоснуться к ней можно, но намеренно кавалера не поощряя. Его рука совсем рядом – он чуть шевелит длинными пальцами, вроде как иллюстрируя какие-то слова, но на самом деле едва заметное движение – лишь повод придвинуть руку поближе к руке девушки. Я замороженно смотрю за этой игрой. Еще немножко, еще чуточку... Оппа! Все, он накрыл ее руку своей. Она слегка вздрогнула, словно от неожиданности. Но пальцев не отняла.

– Сколько раз я тебе говорил, что пристально разглядывать людей в общественных местах неприлично? – Влад откровенно смеется надо мной, довольный, что поймал меня на давней и действительно очень скверной привычкой.

– Да ладно тебе. Они и не заметили. А мне так любопытно наблюдать за людьми.

Влад прикуривает, одновременно разворачиваясь к заинтересовавшей меня паре:

– Ну что уж там такого может быть увлека...

Он резко замолкает, и его пальцы сжимают зажигалку с такой силой, что металл старенькой Zippo сминается.

Я следую за его взглядом, все еще не понимая причины волнения.

Влад произносит сквозь зубы:

– Что, черт подери, он тут делает? С НЕЙ?!

Девушка за дальним столиком смеется и откидывает волосы. Я вижу ее лицо.

Это Люба Быстрова.

Молодой человек, довольный, что ему удалось ее рассмешить, разводит руками, тоже смеется и откидывается на спинку стула. Его лицо оказывается в круге света.

Это Серхио.

Я смотрю на Влада. Он блее простыни, глаза его отливают красным. Он сжимает челюсти так сильно, что на скулах ходят желваки.

Должна признаться, что разделяю его... волнение.

– Хочешь подойти к ним? – Голос у меня какой-то маленький и жалкий.

– Нет. – Влад произносит это отрывисто и коротко переводит дыхание. – Нет. Я не хочу ее пугать. А с ним... С ним надо говорить не в такой... цивилизованной обстановке.

Мне остается только кивнуть.

Влад со стуком опускает на стол залпом осушенный бокал.

– Что-то мне расхотелось пить и веселиться. Пойдем?

Мы встаем, к немалому изумлению официанта, который настроился обслуживать нас всю долгую ночь. Влад оставляет на столе деньги и, не дожидаясь сдачи, на ходу натягивая куртку, выходит в морозную ночь.

Идти нам недалеко – всего-то через улицу и во двор.

Там, в темноте, Влад останавливается. Несколько секунд я смотрю на его напряженную спину, вытянутые по швам руки, судорожно сжатые кулаки. Он сдерживается – сдерживается неимоверным усилием воли.

А потом природа берет свое.

С каким-то диким, глухим рычанием он обрушивает свой гнев на первый попавшийся под руку предмет – качели на детской площадке.

Он вырывает тяжелую металлическую раму из земли и отшвыривает на дальний конец двора.

Влад стоит, отрешенно глядя на раскоряченную конструкцию, и тяжело дышит. Его пальцы все еще конвульсивно сжаты.

Я никогда – никогда – не видела его в таком состоянии. Уже два года я живу с ним, обращенным, – но, оказывается, я никогда еще не видела Влада ВАМПИРОМ. Он всегда сдерживался рядом со мной. Он вообще всегда сдерживался.

Я не знала его, теперешнего. Его настоящего.

И мне не то чтобы страшно. Я просто полностью растеряна.

Впервые за двести с лишним лет своего земного существования я не знаю, что сказать, что делать и даже – что думать.

20 декабря 20XX, «Живой журнал»

GreatLove2011 написал (а):

«Спать хочу – слов нет как, просто с ног валюсь. Но пришла сюда. Потому что: а) я графоманка; б) эксгибиционистка (кто не знает умных слов – это такое отклонение в мозгу, когда люди выставляют на показ самое сокровенное.); с) «не могу молчать!» (с), аки Лев Николаич Толстой, известный русский граф. А, ну и еще слегка подшофе, поэтому себя не контролирую. Короче, у меня словесный понос.

День был – просто чума. Сначала детская елка самого роскошного толка (стишок-с!), в Большом театре (!!!). Ну на Новой сцене, но все же. Максим Ивановичу очень понравилось, как «тети танцевали», и пирожные, и подарок – он с этой машинкой спать лег.). Он так вымотался, что рухнул спать в непривычно раннее время, оставив меня в страннейшей ситуации: пятница, а у меня, понимаете ли, свободный вечер. Парадокс прямо какой-то и необъяснимое явление природы. Моя добрая мать сказала, что я могу идти гулять. И мне, как ни странно, было с кем.

Конечно, приличные девушки так не поступают. Когда им звонят суперкрасивые рыжие журналисты, неимоверно обаятельные, хотя и наглые, приличные девушки им сразу говорят, пойдут они выпивать или нет. Но я девушка не приличная, а простая. Я НЕ ЗНАЛА, смогу пойти или нет. Поэтому просто динамила прекрасного рыжего Сережу до самого упора. Поделом ему, что так не скоро позвонил, вот. Но если уж вечер-таки оказался свободным, я поступила как честная женщина и послала ему СМС, что могу.

Скорость, с которой он отзвонился от моего подъезда, заставляет думать, что он где-то под кустом сидел в засаде. Но это вряд ли: я, конечно, очень себя люблю, но не думаю, что приворожила его прямо вот уже до кустов и засад.))

Предусмотрительный чувак был без машины и стоял у порога весь такой прекрасный, в расстегнутом пальто, и на волосы его падали снежинки. Ну как мы любим.

Пижон дурацкий: замерз, по-моему, как собака, – руки были опять ледяные.

Да-да-да, он держал меня за руку. Вернее, он ВЕЛ меня за руку – взял эдак властно и увел, так сказать, в ночь.

Имея в виду план веселиться долго, пошли в «Кофеманию» – она круглосуточная.

Посидели просто чудесно. Без смайликов.

Он, оказывается, не только ресницами хлопать умеет, но и язык у него хорошо подвешен. Знает какую-то пропасть всего и обо всем говорит так уверенно, словно ему сто пятьдесят лет и он все самолично видел. Это конечно чутко подбешивает, но я так рассуждаю: нравится парень – значит, должно, видимо, нравиться и его пижонство. «Не пытайтесь изменить мужчину» и все такое, как нам женские журналы советуют. Тем более что, когда он хочет быть очаровательным, о пижонстве как-то даже и забывает.

Не-а, когда я говорю, что язык подвешен хорошо, я имею в виду буквально невероятное. Он рассказывал мне об... опере эпохи барокко. Вы меня знаете – можете себе представить, как живо меня волнует сей предмет. Но, когда он юмористически пересказывал сюжеты, я так смеялась, что чуть не описалась.)))

Путь домой помню смутно.))) Вела себя вроде прилично. Он точно вел себя прилично, даже на мой вкус слишком. Перед дверями подъезда остановился и несколько секунд смотрел на меня пристально и бог знает о чем думал. Нормальный мужчина поцеловал бы, я так считаю. А этот – только вздохнул как-то странно, прикрыл на секунду глаза, потом легонько пожал мне пальцы и исчез.

Звал завтра обедать. Но я ему доходчиво объяснила, что я – мать, и все мои выходные заняты семейной жизнью.

А теперь – внимание на мониторы, товарищи постоянные читатели. Я собираюсь сделать торжественное заявление. И не говорите мне потом, что это я с пьяных глаз.)

Мне нравится этот мужчина. Вот. Прямо по-настоящему нравится».

8 комментариев:

HaveFun-ru:

«Самые веселые новогодние елки!...»

Помечено как спам

Anutka6653:

«Вау, что это мы слышим?:))) Прямо НРАВИТСЯ? Но это же клёво – давненько мы ничего такого не слышали! Короче, иди спать, наутро, пожалуйста, включай свежую голову и рассказывай увлекательные романтические подробности!)))»

GreatLove2011:

«Самое унылое, что подробностей особых нет.: (((Даже обидно!)))»

Anutka6653:

«Подробности всегда есть. Что он сказал, куда смотрел, куда руки девал... Будто сама не знаешь. Колись, подруга, – все равно выпытаем)))».

PopovaIra:

«Опера эпохи барокко – это сильно. Я бы забеспокоилась.:))) Может, он опасный извращенец?.. В кино маньяки всегда оперу слушают, не замечала?:)))»

GreatLove2011:

«Сама ты, Ирка, опасный извращенец.)) Только у тебя нет таких ресниц.) Я на него когда смотрю, так и хочется сказать: «Дяденька, поделитесь ресничками!»)))»

PopovaIra:

«Ля-ля-ля, Любасик влюбился...))))))»

GreatLove2011:

«Ну тебя на фиг.:))) Ничего ты не понимаешь в колбасных обрезках)».

21 декабря 20XX, «Живой журнал»

GreatLove2011 написал (а):

«Ненавижу мужчин. Подлые сволочные придурки. Все. Особенно рыжие.

А ведь так все хорошо начиналось.

Короче, рассказываю как есть.

Гуляли мы с Максим Ивановичем на детской площадке. На его любимой, где маленькая неопасная горка-каталка. Он лопатой с энтузиазмом чистил снег со всех мест, где тот лежал. Я курила и думала о вечном. Ну или о суетном. Не важно.

Пасмурный такой день, теплый и приятный – люблю такие. И надо же было некоторым его испортить напрочь. Тьфу.

Короче, посреди прогулки на горизонте вдруг возник Рыжий. Я когда его увидела, так нелепо обрадовалась. Думаю: ведь я ему сказала, что буду занята с ребенком, а он все равно пришел. Наверное, увидеть меня хотел. Приятно, черт возьми, когда сказочно красивый мужчина под влажным зимним небом приходит тебя навещать в ссылку детской площадки. Такой он был стильный, со своей сигаретой и шарфом Etro. Придурок.

Когда он подошел и начал сладкие речи, о том что, мол, «решил все-таки мне навязаться», Максим Иваныч копошился в дальнем конце площадки со своей лопатой. Но пока мы с С. разговаривали, приковылял к нам. И, будучи воспитанным и дружелюбным юношей, с улыбкой повернулся к незнакомому дяде, с которым мама беседовала.

И надо было, бляха-муха, видеть, какое у Рыжего стало лицо! Как будто он привидение увидел, а не отличного маленького мальчика. Он аж вздрогнул, зенки выкатил, и так носом повел, словно ребенок – это что-то плохо пахнущее. Придурок, и мерзавец, и я еще не знаю, как назвать.

Мне так ЗНАКОМА эта реакция, чтоб ее! Практически все мужики, которые мне попадают, просто шарахаются от детей. От чужих детей. Типа: «О, так ты мамашка! Ну тогда я пошел». И катись, козел, колбаской по Малой Спасской! Больно нужен...

Но тут я как-то такого... не ожидала. Он же вроде бы не дурак. Такой рассудительный, обаятельный и вроде ВЗРОСЛЫЙ мужчина... И нате-будьте...

Ну вот он что, тупой и не понял все предыдущие разы, когда я упоминала, что у меня есть сын, что я им много занимаюсь, люблю его и все такое?! Это какие-то были непонятные, нерусские слова? Неужели, если я ему чем-то там интересна, надо было при виде моего сына делать такую козью морду?

Об опере он мне, видите ли, рассказывал!..

Страшно разозлилась, послала его просто матом, и он еще имел наглость удивиться. Теперь вот уложила Макса спать после обеда и сижу злая, зареванная, разочарованная и взъерошенная. В кои-то веки раз мне кто-то понравился – и тот скотиной оказался. Обидно ужасно. Даже не потому, что не срослось, – фиг с ним, мало ли, когда и чего не срастается. Нет, я как-то ужасно огорчена, что Рыжий оказался... ну совершенно такой же, как все мужики. Я как-то про него лучше думала. Мне обидно, что он такой пошлый и банальный.

Сказки, однако, мамашке захотелось.

Ну и фиг с ним, конечно. Но обидно.

И слушайте, девчонки, я закрою комменты, ладно? Я точно знаю, что вы мне сейчас можете сказать. Я и сама себе могу это сказать. Вот только слушать не хочу.

Сорри».

Все комментарии к посту отключены.

Глава 7

Есть много способов провести субботний московский вечер в канун Нового года. Люди ходят в кино. В рестораны. На катки. Просто гуляют по бульварам. Толкуются в магазинах. Целуются в машинах. Сидят у телевизора, смотрят «Прожекторперисхилтон». Курят на балконе, глядя, как город медленно засыпает мягким пушистым снегом. А снегопады в этом году роскошные, как на открытке. Или в стихах у Евтушенко: «Идут белые снеги, как по нитке скользя. Жить и жить бы свете, но, наверно, нельзя...»

Есть много способов провести зимний субботний вечер. Я провожу его, сидя на крыше одного из домов во дворах на Петровке и глядя в полуоткрытое мансардное окно.

В комнате за окном царит сумрак – свет выключен, только монитор мерцает: по обстановке комнаты и лицу ее обитателя скользят причудливые цветные блики от гуляющих по экрану геометрических кривых скринсейвера. Только благодаря улучшенному вампирскому зрению я вижу детали интерьера. Восточную тахту. Кожаный кабинетный диван. Старинный, XVII века, испанский сундук. Резной стол, тоже антикварный, небрежно прикрытый вместо скатерти куском бордового бархата, – похоже, фрагмент театрального занавеса. Ковер на стене, на нем – коллекция холодного оружия: десяток шпаг и сабель, которые стоят, конечно, целое состояние. Книжные шкафы и полки, забитые под завязку множеством музыкальных дисков и книг, конечно, – книг так много, что они еще и на полу живописными кучками разложены. Старинные, толстые, в кожаных переплетах с золотым тиснением книги, и современные глянцево-альбомы.

Заметное место в комнате занимает музыкальный центр – самый навороченный и роскошный, какой только можно представить. Для хозяина квартиры наличие такого аппарата – удовольствие и профессиональная необходимость. Работа у него такая – музыку слушать.

Музыка звучит и сейчас. Душераздирающая, до дури романтическая мелодия Массне – ария Вертера. «О не буди меня, дыхание весны». Да, я книжный мальчик из культурной семьи, я узнаю такие вещи. Я, конечно, не возьмусь угадать, какой именно тенор поет, но саму мелодию слышал много раз. И она неизменно трогала за душу – даже когда в моей жизни не было разочарований и изоляции, по которым можно было равнять свои переживания с тоской несчастного юного оперного самоубийцы.

Широкая, роскошно оркестрованная, пронзительная мелодия заполняет квартиру, заполняет, кажется, даже зимнюю ночь вокруг меня – звук врублен на полную мощность. Хозяин не боится никому помешать: в четырехэтажном доме, кроме него, не осталось ни одного жилья. Да он и вообще в принципе никого не боится.

А стоило бы.

Вот прямо сейчас ему стоило бы бояться меня.

Потому что я вполне могу убить его. Ощущаю и желание, и силу. И сдерживаюсь только огромным и сознательным усилием воли. Не ради него – хотя и привык считать своим другом, уважать и ценить. Все это мне сейчас не очень помнится: я так взбешен его поведением, что готов забыть о хорошем. Нет, я ради себя сдерживаюсь. Я прекрасно знаю: отпущу себя в чем-то одном – и не смогу уже больше остановиться.

Доставлю себе удовольствие убить Серхио – превращусь в монстра.

Он того не стоит.

Со вчерашнего вечера, когда я увидел их с Любой в кафе и разнес к чертям детскую площадку в нашем дворе, во мне кипит гнев. Качели оказались не единственной жертвой: я сбежал в Измайлово и сломал там с десятка деревьев в глубине парка. Тоже не очень помогло.

Поэтому теперь я здесь. Мою ярость не могут утолить неодушевленные предметы. Я должен бросить ее в лицо виновнику торжества.

Бессовестному, беспринципному, бессердечному упырю, который вторгается в жизнь ни в чем не повинной и дорогой мне девушки. Вторгается от безделья и скуки, забавы ради, чтобы меня подразнить. Делает это от самовлюбленности, самонадеянности, эгоизма и гордыни, не видя, не желая осознавать зла, которое походя причиняет. Рушит чужую жизнь с великим равнодушием, с каким все мое племя смотрит на мир и которым никто не обладает в большей степени, чем Серхио.

Я знаю, что должен и что хочу сделать. Не убить его, нет. Но задать ему хорошую трепку – определенно. Чтобы он очнулся наконец от оцепенелого самодовольства. Спящий, чтоб его, красавец. Я сижу тут, на крыше, так долго лишь потому, что не могу решить, как мне лучше поступить: просто кинуться на него, без разговоров, или сказать что-нибудь сначала. Ну так, для приличия. Например: «Ах ты, скотина!» А потом уже кинуться и глотку перегрызть.

Убить я его не убью, конечно. Но хоть кашемировый свитер испорчу.

Музыка стихает – рыдание тенора, подхваченное оркестром, переходит в шуршание пленки, которое мои уши теперь различают даже в самой совершенной, технически вылизанной записи. А потом шуршание снова сменяется мелодией – той же самой. Это происходит уже, наверное, в десятый раз. Серхио поставил арию Вертера на повтор и слушает ее снова и снова, сидя неподвижно в глубоком кресле. Шевелится, только чтобы отхлебнуть рома из низкого стакана или загасить очередную сигарету в лопающуюся от окурков пепельницу.

Музыка в начале арии звучит тихо, жалобно. Ненавязчиво.

Серхио поднимает голову. Его лицо обращено к окну, и даже меня, в моем гневе, поражает его выражение. Отрешенное. Горестное.

У него совершенно мертвые глаза.

Словно это с НИМ происходит что-то нехорошее.

Несколько секунд он смотрит в скрывающую меня тьму, а потом произносит спокойно, устало, без тени обычной иронии:

– Это уже просто смешно. Влад, хватит торчать там. Заходи.

Ах, он знает, оказывается, что я тут сижу?! Давно, видите ли, заметил. Смешно ему!

Заново взбешенный очередной демонстрацией превосходства с его стороны, я принимаю приглашение – в самой агрессивной из доступных мне форм.

Я запрыгиваю в комнату и вцепляюсь ему в глотку.

Окурки из опрокинутой пепельницы разлетаются во все стороны – на старинный бархат и кожу книжных переплетов оседает облако вонючего пепла. Ром выливается на персидский ковер.

Валится на бок стул. Сползает со стола скатерть, с грохотом падает на пол ноутбук.

Мы боремся молча, без единого слова, даже без рычания.

Серхио старше меня и сильнее. Но ярость придает мне сил: я прижимаю соперника к полу, мои оскаленные клыки замирают в сантиметре от его горла.

Но – черт бы побрал его опыт! – победа моя временна. Какая-то секунда, едва уловимое движение – испанец, как змея, выскальзывает из-под меня, и вот уже я прижат к стене, а его пальцы железным кольцом сдавливают мне горло.

Серхио грозно шипит:

– Ты очень силен для молодого вампира, но ты неровня мне. Ты знаешь, что я могу сделать с тобой. Но я не буду. Даже не потому, что не хочу огорчать Марину, – ей грустно будет потерять возлюбленного, так недавно обретшего бессмертие. Я пощажу тебя потому, что не вижу ПРИЧИНЫ убивать. Ты не сделал мне ничего плохого, Влад. Так будь любезен объяснить, что плохого сделал тебе я?

Он чуть ослабляет хватку, давая мне возможность говорить – но не освободиться.

Мой голос звучит сипло:

– Ты прекрасно знаешь. Что тебе надо от нее?

Выражение лица испанца меняется так резко, что я с трудом верю глазам. Только что его утонченные сухие черты искажали гнев и сарказм. Их словно смыло, как мыльные разводы со стекла. Его лицо становится маской – застывшей, трагической маской, воплощением оцепенелого отчаяния, вины и какого-то глубокого, необъяснимого и неутолимого горя. Уголки губ опускаются, а в глазах снова отражается смерть – давно пережитая им, но не забытая и все так же несущая ужас и опустошение.

От перемены в привычных чертах гнев мой как-то мгновенно улечивается. Невозможно стремиться убить существо, чьи глаза молят о смерти, как об избавлении.

Серхио отпускает мое горло и отходит на шаг назад, безвольно опустив руки.

– Ты прав. Я заслужил твой гнев. – В голосе его – та же опустошенность, что и во взгляде. Он растерянно покачивает головой и судорожно вздыхает.

Чужды дела твои, Господи. Серхио растерянный и признающий, что ошибается, – это что-то новенькое. Что-то неслыханное и невиданное.

Откашлявшись, чтобы прочистить горло и вернуть голосу хотя бы тень уверенности и солидности, я спрашиваю:

– Может, объяснишь мне, в чем дело?

– Если бы это было так просто!

Серхио обходит комнату, поправляя мебель, разметанную нашим коротким сражением. Раздраженно цокает, поднимая ноутбук, – к счастью, тот не разбился. Находит под креслом пепельницу, которая теперь снова пуста и готова принимать новую порцию окурков. Выуживает из кармана сигареты и закуривает.

В общем, тянет время, как ему свойственно.

Вертер опять жалуется на то, что дыхание весны не дает ему спать вечным сном. И все время, пока мы друг другу глотки рвали, жаловался.

Психоделика какая-то.

Наконец, наигравшись с реквизитом, Серхио опускается в кресло и обращает ко мне усталый взгляд:

– Сначала я решил держаться рядом с ней потому, что хотел защитить. От тебя.

– От меня? – Возмущение вспыхивает с новой силой. – Ради бога, чем я-то для нее опасен?!

Испанец вздыхает, разводит руками – в одной из них сигарета, и колбаска пепла падает на и так уже полностью изгвазданный ковер:

– Ты стал вампиром два года назад. Я – полтысячи лет. Я многое видел. В том числе – как наши братья, оказавшиеся в твоей ситуации, испытывавшие влечение к людям из своего прошлого... Как они, забывшись, убивали. – Он предостерегающе поднимает руку, останавливая поток возражений, готовый сорваться с моих уст. – Я знаю, что ты прекрасно владеешь собой. Знаю, как ты бережно относишься к смертным. Я уважаю это – сильнее, чем ты можешь представить. Но забыться – значит ЗАБЫТЬСЯ. Утратить контроль. Увлечься. А это может случиться с каждым. С любым из нас...

Он замолкает, и снова на его лице появляется выражение необъяснимого горя. Я и мог бы сердиться, но это как-то... обезоруживает.

Пауза длится недолго. Не отрывая взгляда от ковра, Серхио говорит:

– Сначала я хотел просто держаться в тени. Присматривать за ней. Признаюсь, это приятно. На нее приятно смотреть. Приятно БЫТЬ рядом. Она такая...

– Живая. – Я подсказываю ему слово, сознавая, какая дивная ирония витает над всей мизансценой. Мы почти слово в слово повторяем свой диалог на корпоративе. Только роли у нас неуловимо поменялись. И я не очень пока понимаю, почему и как.

– Верно. Живая. – Серхио глубоко затягивается, и сигарета до фильтра обугливается в его пальцах, обжигая их. Ему это, конечно, нипочем. Он роняет окурочек в пепельницу и закуривает

снова. – Живая... Нам приятно быть рядом с живыми – спроси Марину, пусть вспомнит, как не могла оторваться от тебя. Живой человек рядом – как глоток воздуха. Или крови... Но я готов был оставаться в стороне. Игнорировать то, что она заметила меня – а она заметила. Но потом была эта съемка в Архангельском. Я уже не мог сделать вид, что мы не знакомы. Не мог не реагировать на нее. Но она – о, она совсем не проста. Может постоять за себя... Я знаю, чего ты боишься, Влад. Ты думаешь, что я задурю ей голову нашими вампирскими штучками, и она пострадает. Напрасный страх. Она вовсе не кроткая овечка, готовая упасть в объятия волка. Тут скорее волк... не может устоять и тянется к ней. Как дурак.

Я недоверчиво качаю головой:

– Ты серьезно думаешь, что твоего обаяния не хватит, чтобы ее увлечь? ТЫ? С твоим-то сомнением? То есть, пойми меня правильно, я РАД, что она тебе не по зубам, но с чего ты решил, что она сильнее других смертных?

Серхио улыбается – с горечью, но хоть так. Все лучше, чем та пропасть отчаяния, которой он меня нынче угощает.

– Как мало ты ее знаешь. Она не похожа на других смертных. На тебя, например, когда ты был смертен. В твоей жизни не было смысла, Влад. Тебя несло по течению, и в конце концов ты просто прибился к месту, где сила притяжения была максимальной. Ты искал смысла, верно. Но ты думал, что он найдется где-то ВНЕ тебя. В другом человеке. И ты нашел свой смысл. Ты нашел любовь. А она, эта девушка... Она и так знает, зачем живет, – что придает ее жизни ценность.

Мне становится искренне обидно. Что же это получается: Люба, моя бывшая подружка, смешливая девушка-продюсер, балованная дочка богатых родителей – какая-то мегасильная личность, владеющая тайнами мироздания? А я, выходит, лох педальный?

– Может, она наоборот – простовата и ни о чем не задумывается? – Понимаю, что вопрос звучит, как возражение оскорбленного карапуза из детского сада, но удержаться не могу. – Не рефлексирует, вот и живет полноценно. Типа счастливы только дураки.

По лицу испанца проходит тень гнева:

– Дело не в рефлексии. Дело в инстинкте. Она интуитивно знает, как жить – как быть счастливой.

Что-то его рассуждения приводят меня во все большее недоумение. Я не понимаю, почему все это его так сильно беспокоит, отчего ему так неуютно. И так грустно.

– ОК. Люба – цельная и сильная личность, и мы ей не страшны. На нее наши вампирские штучки не действуют. Она в безопасности. Ну и чего ты тогда так паришься? Если она неуязвима, так, значит, твои выкрутасы ей не повредят. Будь возле нее, пока не надоест, – с нее же все слетит, как с гуся вода. Я вас даже, пожалуй, благословлю!..

Серхио смотрит на меня, как на идиота, не понимающего каких-то простейших и очевидных вещей. И он явно сердит:

– Как ты можешь быть такой циничной скотиной, Влад? И это после того, как ты меня чуть не загрыз... И был ПРАВ: как бы она ни была сильна, помимо эмоций в общении с нами есть еще и прямая физическая угроза. А ее жизнь нельзя подвергать опасности. Ни ее, ни мальчика.

Лицо его снова искажает странная гримаса – короткая, болезненная. Словно какая-то заноза в душе напомнила о себе.

Я инстинктивно переспрашиваю:

– Причем тут мальчик?

В глазах испанца отражается недоумение:

– Что значит «причем»? Ты же видел его, верно?

Я пожимаю плечами:

– Видел, мельком. Хороший, качественный такой пацан. Странно, на ее придурочного бывшего, Ваню, вообще не похож.

Серхио смотрит на меня не просто как на идиота, а как на сумасшедшего:

– Почему он должен быть похож на какого-то Ваню?

– Серхио, я понимаю, ты давно уже не человек, но какие-то технические моменты, верно, помнишь, нет? Ваня – его отец, логично, чтобы какое-то сходство было.

Серхио поднимает бровь:

– Ты точно его видел?

– Точно.

– И ничего не почувствовал? Где, черт подери, твое обоняние – ты же обратился с хорошим нюхом, мы все это знаем?..

Я начинаю злиться:

– Серхио, ты меня, конечно, прости, но мы также все помним, что кроме нюха мое обращение еще кое-чем... обернулось. Я, знаешь ли, стараюсь к людям не принохиваться. Особенно к симпатичным румяным маленьким детям!

Испанец молчит – он закрыл глаза и устало потирает переносицу, он что-то обдумывает, пытается осмыслить, и это дается ему нелегко. Наконец он открывает веки и смотрит на меня со смесью сочувствия и удивления:

– То есть ты правда ничего не понял... Я думал, ты знаешь, – когда ты набросился на меня, я решил, что ты взбесился и из-за него тоже. Это было бы... логично. Но ты не знаешь. Подумать только. Так странно.

– Серхио! – Я невольно срываюсь на рычание. Он всегда мудрит и темнит, можно было бы уже привыкнуть, но бесит это все равно до невозможности. – Хватит болтать. ЧТО я такое должен знать?

– Влад. Уймись. Спокойствие – очень ценная в нашей жизни вещь. – Серхио говорит размеренно, нарочито ровно и смотрит мне прямо в глаза. – В общем, я думаю, тебя должно порадовать мое известие... В ту секунду, как я увидел его, почувствовал запах, все стало абсолютно очевидно. Он твой, Влад.

– Он – что?... – Как глухо, неестественно звучит мой голос!

Испанец кивает, не отрывая взгляда от моего лица:

– У него твой запах – твой смертный запах. Значит, твоя кровь. Это твой сын.

У меня темнеет перед глазами – не думал, что с вампирами такое бывает.

В голове пусто, и звенит что-то, и нет вообще, вообще ни одной мысли. Ни одной эмоции. Только гул и темнота.

Я тяжело опускаюсь на стул напротив Серхио и слышу, словно со стороны, как мои непослушные губы выговаривают фразу:

– У тебя еще ром есть?

Вертер все жалуется на весну.

Серхио кивает, встает и направляется к своему бару за новой бутылкой Bacardi.

25 декабря 20XX, «Живой журнал»

GreatLove2011 написал (а):

«Сегодняшний трудовой день прошел под знаком «все чудесатее и чудесатее» (с) – по выражению девочки Алисы из Страны чудес. С утра пораньше (ну ладно, не пораньше, а к 12-ти) поехала я к одному дядечке в особняк в районе Суцевской. Особняк, что в наше олигархическое время случается, принадлежит ему лично. Что не так часто нынче случается, он принадлежал его семье, каким-то там Протасовым-Кокосовым, типа всегда. То есть, конечно, в советское время дядечка особняком не владел, а вовсе даже жил за границей. Но потом, когда жизнь всем известным образом изменилась, вернулся на историческую родину и купил обратно семейную собственность. Отреставрировал, и теперь у него там нечто среднее между жилым домом, музеем и машиной для заколачивания бабла: он сдает площади в аренду для проведения мероприятий.

Собственно, на этот предмет я к нему и приехала. Нам нужен особняк для съемок – мы хотели в январе, сразу после праздников, сделать там историю из жизни, гм, джентльменов: выходит очередная какая-то экранизация Джейн Остин, и Марина жаждет видеть на страницах Alfa Male толпу современных мистеров Дарси-слеш-Рочестеров.))) Только без слеша, а вовсе даже в обществе прекрасных дам.)) И мне была поручена работа: а) уговорить дяденьку пустить нас к себе за скромные деньги (аренда на мероприятия у него дорогущая, но у нас ведь другая задача, так что шанс был); б) втиснуться с нашей съемкой в какой-нибудь всем удобный свободный день, когда у него нет приемов (а это под Новый год очевидным образом нелегко, у него чуть не каждый вечер тусня). Чтобы убеждать было сподручнее, поехала говорить лично, а не по телефону. Из трудового опыта известно, что недурная собой женщина со светлыми волосами и на каблах обладает огромной силой убеждения, если собеседник мужского полу видит ее глазами.

Потомственный дворянин Кокосов произвел на меня, честно говоря, впечатление. Он оказался очень гламурным мужчиной лет эдак сорока с хвостом, с аккуратной седой стрижкой и весьма колючими серыми глазами. Высокий, сухой такой, очень обходительный и в синем пиджаке. Знает про свой дом, естественно, все до последнего гвоздя, но говорит об этих гвоздях не занудно, а с воодушевлением. Провел меня по всему особняку, все показал, шторы дал пощупать и на стульях посидеть. Дом, конечно, отличный – нам прямо очень подходит. Переговоры шли тоже, в общем, успешно – уж не знаю, волосы мои его впечатлили или каблы или вдохновенный рассказ о том, как прекрасен журнал Alfa Male, но алчного блеска в глазах я у него не наблюдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.